

В. П. Павлов

ДЕТИ ЛИХОЛЕТЬЯ

Владимир Павлов

Дети лихолетья

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2017

Павлов В. П.

Дети лихолетья / В. П. Павлов — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2017

ISBN 978-985-08-2152-2

В предлагаемом издании показаны судьбы детей Беларуси в годы Великой Отечественной войны: эвакуация детских учреждений на восток, жизнь детских коллективов на новых местах в советском тылу. Значительная часть книги посвящена трагической жизни детей Беларуси и России на оккупированной территории. На материалах архивных источников, периодической печати, научных исследований и в основном на воспоминаниях участников событий базируется правдивое повествование о тех, кого спасали и кто спасал. Предназначается людям, перенесшим трагедию войны, современному молодому по колению, не изведавшему войн, широкому кругу читателей.

ISBN 978-985-08-2152-2

© Павлов В. П., 2017
© Издательский дом “Белорусская наука”, 2017

Содержание

От автора	6
Введение	8
Эшелоны шли на восток	14
На гостеприимной земле сестер и братьев	19
С самых западных границ: друскенинкайский пионерский санаторий	31
Дошли: областной пионерский лагерь «Лысая гора» под Гродно	34
«Мы нашли свое счастье»: Ошмянский детский дом	35
В детском городе: ратомский санаторный пионерский лагерь	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дети лихолетья (сборник)

© Павлов В. П., 2017

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2017

* * *

От автора

«Дети лихолетья» – документальные очерки и повести, посвященные судьбам детей Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Аналогичных изданий нет не только в нашей республике, но и в странах бывшего Советского Союза.

В книге рассказывается об эвакуации детских учреждений с охваченных войной районов на восток. Благодаря самоотверженному героизму, труду и усилиям прежде всего сотрудников детских учреждений были спасены от войны 110 (из 190) детских домов, 50 детских садов, 30 пионерских лагерей, 6 спецшкол и детских санаториев. В общем количестве в глубь СССР были вывезены свыше 16 тысяч детей. В книге описывается жизнь детских коллективов в новых для них местах – областях России, Казахстана, Узбекистана, куда их забросила военная судьба.

Часть детских учреждений в обстоятельствах военного времени не было возможности вывезти в советский тыл, и они остались на оккупированной территории Беларуси (более 100). Кроме того, несколько детских учреждений, так называемых приютов, в которых содержались дети из Беларуси и захваченных районов России, были созданы оккупационными властями (более 20). Значительное место в книге отведено показу трагической жизни находящихся в этих учреждениях детей: воспитанники были донорами крови для немецких госпиталей, труд детей использовался при выполнении тяжелых работ. Только благодаря мужеству, верности, профессиональному долгу воспитателей, помощи партизан и подпольщиков, местного населения были спасены жизни многих детей.

Книга написана на основе архивных данных, материалов периодической печати, малочисленных исследований ученых. Однако главным источником являются воспоминания воспитателей и воспитанников детских заведений, собранные и записанные автором в течение более тридцати лет в результате поездок по республике, переписки с детьми войны, разбросанными волей судьбы по всему пространству бывшего СССР. Их воспоминания – документы, с огромной силой обличающие фашизм, мракобесие; свидетельство того, что нес гитлеризм народам.

Пользуясь документами, письмами, записями бесед, автор воссоздает типичную картину эвакуации детей на восток страны, жизни маленьких заложников войны на оккупированной территории. Но принцип документальности, заявленный в самом начале повествования, побуждает говорить и свидетельствовать самим очевидцам, конкретным фактам. И пусть из них, этих частных эпизодов и сугубо личных впечатлений, общая картина сложится в вашем воображении.

В воспоминаниях детей наблюдается не только пронизательность, способная отразить всевозможные нюансы детской психологии в отношении того, чего в реальной действительности не должно быть, но и то, что роковым образом повлияло на психическое здоровье и развитие ребенка, что легло печатью на долгие годы и в ряде случаев формировало, а иногда и деформировало жизненные стереотипы личности. Дети и их воспитатели, оставшиеся на оккупированной территории, вынужденные жить в условиях, не соответствующих законам природного предназначения, и приспосабливаться к социальной среде, вместе с тем показали твердость человеческого духа, позволяющую противостоять любым трудностям, сохранять и развивать в себе генетически заложенные устремления к прекрасному – добру, неизменно теснящему зло. В детских воспоминаниях на практике реализуются идеи великого знатока человеческих душ Ф. М. Достоевского, показавшего, что «люди везде люди» и «Человек есть существо, ко всему привыкающее», – все живут по общечеловеческим законам, если даже из-за жизненных обстоятельств оказываются в условиях унижения и оскорбления своего человеческого достоинства. Именно такими – самоотверженными, стойкими, а не страдающими, как это может показаться на первый взгляд, мы старались представить детей военного времени.

Материалы книги не историческое исследование в полном смысле данного слова. Скорее это рассказ о тех, кого спасали и кто спасал. Названы сотни фамилий детей и их воспитателей, но нет ни единого факта, вызывающего сомнение. Все приведенное на страницах происходило на самом деле.

Автор понимает, что воссоздать полную историю судеб спасенных детей Беларуси периода Великой Отечественной войны почти невозможно в связи с трудностью «добычи» материалов. Издание книги вызывает надежду ее дополнить и дописать, так как после выхода статей, опубликованных ранее в журналах, автор получил около 60 писем-воспоминаний, что позволило значительно доработать соответствующие очерки. Собраны списки 420 детей и 129 сотрудников детских учреждений, эвакуированных в советский тыл, а также установлены фамилии более 530 детей, оставшихся на оккупированной территории, имена и фамилии более 100 их воспитателей, тех, кто делил с детьми трагические дни войны.

Издание данной книги – это человеческая обязанность и долг перед теми, кто пережил ужасы войны, потерял жизнь или подорвал здоровье, не по годам состарился.

Введение

Последними свидетелями назвала Светлана Алексиевич в книге «Последние свидетели. Книга недетских рассказов» (М., 1985) тех, чье детство растоптано тяжелыми последствиями Второй мировой войны – самой жестокой и кровопролитной в истории человечества. Тех, кто выжил в этой чудовищной мясорубке, но на всю жизнь сохранил в себе страх, подавленность и беспомощность; кто умер преждевременно, так и не изведав счастья материнской ласки; кто и сейчас, далеко не в старческом возрасте, страдает от нажитых в те детские годы болезней и ран. Они, бывшие дети войны, остаются последними свидетелями самого страшного преступления XX столетия – массового детоубийства.

С первых дней вражеского нашествия особое внимание уделялось спасению дошкольных заведений, пионерских лагерей, санаториев. Из Минска и восточных областей республики были эвакуированы свыше 16 400 детей. Однако более 80 детских домов и некоторые другие детские учреждения остались в тылу врага на оккупированной территории.

Судьба воспитанников трагична. Многие из них были уничтожены, вывезены на принудительные работы в Германию. А сколько погибло в пунктах забора крови для немецких госпиталей, во время медицинских экспериментов?! Сколько умерло от болезней, полученных в болотах во время блокад партизанских зон?!

На мемориальной стене в Хатыни выбито название д. Домачево Брестского района. Осенью 1942 г. там были уничтожены все воспитанники местного детского дома вместе со своей воспитательницей Пелагеей Грахольской, которая спустя месяц повторила подвиг Януша Корчака, погибшего с воспитанниками детского дома в варшавском гетто.

Среди лагерей смерти, созданных фашистами, были и предназначенные для уничтожения детей, которые раньше содержались в детских домах. В один из таких лагерей, находящийся в литовском городе Алитус, что недалеко от Каунаса, были вывезены дети из Витебской области.

На уничтожение были осуждены многие детские заведения. Одни из них (Семков-Городокский, Полоцкий, Скобровский) были спасены благодаря специальным операциям партизан, другие – усилиями патриотов-воспитателей.

Следует отметить, что книга не претендует на полное раскрытие темы «Дети лихолетья». Нужны исследования о геноциде немецких властей в отношении юных граждан Беларуси, вывозе их в Германию на принудительные работы, в концентрационные лагеря, об использовании малолетних узников в качестве доноров, подопытных для научных экспериментов фашистских эскулапов. Отдельная тема – это судьбы детей еврейской национальности, их массовое уничтожение в гетто, на местах расстрелов еврейского населения, в концентрационных лагерях.

Первые подходы к раскрытию указанной выше темы уже сделаны. Так, в 2005 г. нами была издана книга «Дзеці ліхалецця. Дакументальныя нарысы» (Мінск, 2005. – 416 с.). Некоторые очерки, опубликованные в ней, в настоящем издании опущены, на них последовательно даются ссылки. Автор опирался в своей работе на исследования профессора Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка Е. Г. Андреевой (Дошкольное воспитание в Беларуси в годы Великой Отечественной войны: учеб. пособие. – Минск, 1999. – 87 с.; В те грозные годы // Дошкольное воспитание. – 1975. – № 5. – С. 13–16; Опаленное войной детство // Там же. – 1985. – № 5. – С. 17–18; Подзвіг аба вязку і дабрыні // Польша. – 1984. – № 10. – С. 170–174) и др. Е. Г. Андреева уделила много внимания проблеме эвакуации белорусских детей на восток страны, мужеству и самоотверженности воспитателей, сотрудников детских заведений, органов народного образования, всех тех людей, которые принимали непосредственное участие в спасении юных граждан республики. Профессор исследовала жизнь

белорусских детей на новых для них местах, особенности размещения, быта, учебы. Автор отмечает большую помощь местных властей, простых граждан России, республик Средней Азии, оказанную белорусским детям в организации и налаживании их быта и жизни.

Анализ тяжелой работы по эвакуации детей в начале войны провел М. Г. Жилинский в своей статье «Эвакуацыя дзяцей з тэрыторыі Беларусі ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны» (Грамадазнаўчыя навукі: метадалогія, праблемы, перспектывы. – Мінск, 2001. – Вып. 1. – С. 42–50).

Большой вклад в изучение судеб детей военного времени внес В. Б. Разин. Ребенком он был отправлен родителями на летний отдых вместе со своим детским садом в поселок Городище. Вывезенный в г. Хвалынский, давший приют сотням белорусских детей, потеряв родителей, он навсегда остался в этом городе, ставшем ему второй родиной. Здесь он вырос, возмужал, стал солдатом, рабочим, майором милиции. После ухода на пенсию нашел свое призвание на литературном поприще. Им написана интереснейшая книга «От Минска до Хвалынска: Дети Белоруссии на земле саратовской: 1941–1945 гг.», вышедшая в свет в издательстве «Саратовский писатель» в 2003 г. В ней В. Б. Разин выступает в качестве историка-исследователя, про следившего как военные, так и послевоенные судьбы детей из его родной Беларуси, эвакуированных в Саратовскую область. Он разыскал в архивах области и впервые опубликовал уникальные документы: справки об эвакуированных детях, акты приема-сдачи воспитанников детских домов, садов, яслей, пионерских лагерей; списки детей-белорусов – узников Лодзинского детского концлагеря, доставленных в 1945 г. в г. Хвалынский; записал многие воспоминания своих собратьев по детским учреждениям; собрал редкие фотографии военной поры. Меньше всего В. Б. Разин пишет о себе, хотя ему есть что сказать о своей нелегкой военной жизненной дороге, которую он прошел с достоинством и честью. Книга В. Б. Разина – очень ценный вклад в изучение судеб белорусских детей, увезенных от войны на восток страны.

Судьбе белорусских детей, эвакуированных в г. Хвалынский, в частности жизни хвалынца Д. П. Захарова, который будучи прикованным к постели тяжелым недугом сумел отыскать, собрать и организовать встречу бывших воспитанников детских домов города, посвящена статья В. С. Липского «Салдат і дзеці» (Маладосць. – 1983. – № 9. – С. 153–163).

Интересная и содержательная книга «Свет наших очей» о работе в годы войны Ташкентского детского эвакуационного пункта, через который прошли и юные жители нашей республики, подготовлена А. Алматинской и А. Авдеевой (2-е изд., доп. – Ташкент, 1971. – 171 с.) А. Авдеева, долгое время работавшая начальником эвакуационного пункта, и А. Алматинская собрали материалы из архива Министерства просвещения республик и, письма бывших воспитанников детских учреждений Узбекистана, свои воспоминания и подготовили интересную книгу о той большой работе, которая проводилась в годы войны по приему и размещению детей Ташкентским детским эвакуационным пунктом.

Этой же теме, самоотверженному труду и героизму узбекского народа по спасению детей, эвакуированных в республику, посвящено документальное повествование Г. Марьяновского «Книга судеб», опубликованное на страницах журнала «Звезда Востока» (1976. – № 7. – С. 5–115). Автор подробно и детально рассказал о работе государственных, партийных, комсомольских органов, общественных организаций республики по приему, размещению и жизни прибывших в Узбекистан более чем 100 тысячам детей из разных уголков единой тогда страны. Значительное место в работе Г. Марьяновского отведено простым людям – узбекам, русским, проживавшим тогда в Узбекистане и, несмотря на трудности, взявшим на воспитание сотни эвакуированных детей, заменив многим из них погибших родителей.

Особо значимыми для нас являются воспоминания непосредственных участников тех событий. К сожалению, их очень мало. Обычно такие люди умалчивают о себе. В этой скромности их характер. Они неохотно рассказывают о том, что выпало на их долю, и на трибунах ощущают себя неуютно. На то, по-видимому, есть свои причины. Среди таких редких воспо-

минаний отметим очерки П. С. Дракиной «Дом дзіцяці» (Работніца і сялянка. – 1946. – № 4–5. – С. 5), П. В. Дыло «Это было в июне сорок первого» (Советская Белоруссия. – 1964. – 2 авг.), Н. А. Королёвой и Я. Г. Марцынкевич (Чучко), которые хранятся в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

Создана также определенная историографическая база по изучению и исследованию жизни и быта детей, которые остались на оккупированной территории Беларуси. Выделим статью ведущего научного сотрудника Бело русского государственного музея истории Великой Отечественной войны Н. А. Яцкевич «Детские дома Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» (Сообщения Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. – Минск, 1999. – Вып. 1. – С. 20–32). В нем впервые на основе архивных материалов сделан анализ состояния детских домов, преимущественно Минска и Минского района, показана политика оккупантов по отношению к детям-сиротам.

Резко и полемично пишет на страницах периодической печати Я. Басин, приводя много ценного материала о жизни и судьбах детей войны на оккупированной врагом территории Беларуси, поднимая вопросы о долге государства перед брошенными и забытыми обществом бывшими узниками – воспитанниками детских приютов.

Отметим коллективную работу А. Д. Зубар, С. С. Садовской, Б. В. Стрельцова «Операция “Звездочка”: Документальная повесть» (Минск, 1966. – 240 с.), книгу В. С. Липского «Подснежники в небе» (Минск, 1977. – 366 с.), посвященные спасению Полоцкого детского дома. Интересный материал, много новых подробностей о жизни этого детского дома, спасении их витебскими партизанами, послевоенной судьбе детей, их встречах привел в своем очерке «Бесстрашные» Л. Сапожников (Юность. – 1983. – № 10. – С. 37–67). Об этой необычной операции белорусских партизан писали и вспоминали В. Е. Лобанок в книге «В боях за Родину» (3-е изд., доп. – Минск, 1964. – 411 с.), Б. Алешенко, В. Барминский, А. Болотов, Ламсадзе, В. Латко, И. Мисуно, И. Тверской, Б. Шнейдман и др.

Большую поисковую работу по воссозданию истории Новоельненского детского приюта провел И. И. Васюкович. В своей работе «Трагедия белорусского “Артека”». (Минск, 1998. – 266 с.) он подробно рассказал о большом гуманистическом подвиге обслуживающего персонала детского приюта, местных жителей-патриотов, подпольщиков и партизан, о трагической судьбе детей Беларуси, России, многих зарубежных стран, которые оказались в начале войны в пионерском лагере или были брошены в этот уголок нашей страны военным ненастьем, установил фамилии десятков воспитанников и воспитателей. О международном лагере в Новоельне писали московские историки и публицисты Ю. Анохин, В. Томин, а также белорусские журналисты И. Заяц, Т. Мижигурская, В. Миколайчук, С. Суковичин, Е. Едловский.

О том, что общество неравнодушно к судьбам детей войны, свидетельствуют также следующие книги, вышедшие в свет в столичных и республиканских издательствах Беларуси. Так, с большим интересом общественностью встречена книга бывшего малолетнего узника Дроздов и Острошиц ко го Городка, потом угнанного в Германию Марата Тимофеевича Кузнецова «Это тоже наша история. Национал-социализм глазами малолетнего узника. Исповедь о пережитом» (Могилев, 2004. – 386 с.). Страдания и муки малолетнего узника фашизма показываются автором сквозь призму профессионального осмысления врача-психиатра (кем в послевоенное время стал главный персонаж и автор книги. Довольно редкое в историко-мемуарной литературе авторство). Тем самым М. Т. Кузнецов, как пишет рецензент книги профессор В. К. Коршук, «осветил одно из трагических по следствий Второй миро вой войны – то, что прodelывал с психикой малолетних узников национал-социализм. В этом, по сути, и приоритетное достижение отечественной медицинской науки – существенный фрагмент нашей истории в виде живой иллюстрации того, что несет война мирному населению, не только физически, но и психологически, – уродуя его юные поколения».

В 2008 г. вышли воспоминания братьев Климентия Эдуардовича и Владимира Эдуардовича Соколовских «Детский дом в тылу врага» (Минск, 2008. – 79 с.) о тяжелом, трагическом детстве, проведенном в годы войны в детских домах д. Дрозды и Острошицкого Городка. Ребята проявили себя как юные патриоты, связались с партизанами, выполняя все их поручения, боролись с врагом. Подробно, с большой любовью и теплотой рассказывают братья о своих боевых товарищах, их героизме и патриотизме в годы войны, тяжелом военном детстве.

О своем недолгом пребывании в Минском детском доме № 5 повествует в своей книге «Последний из группы “Джек”»: Документальная повесть» (Минск, 2005. – 136 с.) юный белорусский партизан, впоследствии разведчик группы Генерального штаба Красной Армии Г. В. Юшкевич. Он подробно рассказывает о «работе» так называемых инспекционных комиссий, выявлявших детей еврейской и цыганской национальностей, а также детей партийных, советских работников, военнослужащих, активистов, о проводившихся гитлеровскими и оккупационными властями «чистках» в детских учреждениях республики.

В журнале «Акно» (2003. – № 1. – С. 74–77) опубликованы воспоминания воспитанницы Червенского детского дома Н. А. Красногир (ныне – Куманяевой), ее жизни в детдоме, угоне и непосильной работе в Германии.

Существенно дополнили страницы о жизни детей в Клецком приюте воспоминания Я. Майсюк (ныне – Филоновой) и Р. Гренадер (ныне – Шикуновой, скрывавшейся в детдоме под фамилией Мороз), опубликованные в том же номере журнала (с. 77–86).

Материалы о трагической судьбе детей из санатория «Крынки» Осиповичского района, расстрелянных гитлеровцами в 1942 г., были опубликованы в периодической печати (журналистские расследования В. Хурсика и С. Лицкевич), а также в исследовании В. Киселёва «Параненыя ўспаміны. З акупацыйнага жыцця вёскі Дараганава». (Мінск, 2010. – 243 с.).

Трагической судьбе Домачевского детского дома Брестского района, воспитанники которого вместе со своей воспитательницей были расстреляны гитлеровскими извергами, посвящены работы В. Карамзина «Это было в Домачеве: История детдома в письмах, воспоминаниях, документах» (Неман. – 1989. – № 6. – С. 120–128) и А. Волковича «Расстреляны над Бугом...» (Неман. – 2006. – № 5. – С. 145–149).

На страницах журнала «Маладосць» были помещены очерки Я. Ивашина «Пакінутыя сіроты» (1997. – № 12. – С. 213–223) и А. Карлюкевича «“Дзіцячая вёска” ў Скобраўцы» (2003. – № 5. – С. 130–133), в которых рассказывается о трагической судьбе детей Червенского приюта и «Детской деревни» в Скобровке Пуховичского района. Очерки раскрывают еще одну малоизвестную страницу из жизни юных белорусов во время оккупации республики. Эти поиски дополняют газетные статьи В. Овчаренко, А. Валового, Н. Гошки, Г. Чирука.

Большую работу по установлению эвакуированных из Минска детских учреждений провела И. Ю. Воронкова. В своей книге «Минск: лето 1941 – лето 1944» (Минск, 2014. – 334 с.) она подробно исследовала и описала вывоз детей из охваченного пожаром города, привела много новых сведений о героизме и трудностях жизни минчан летом 1941 г.

О положении детей Беларуси в годы оккупации, трагизме их судьбы рассказывается в книге В. Я. Бездель «Дзеці на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944)», вышедшей в Витебске в 2013 г.

Публикации В. Гулидовой и А. Хилимона посвящены Ивьевскому приюту, о котором мы еще недавно ничего не знали.

Следует отметить очерк А. А. Гребенкиной «Долгий путь на Родину», помещенный в книге «Брест непокоренный» (Минск, 2005. – С. 46–54). Автор впервые рассказала общественности о трагической и необычной судьбе детей города.

Определенный материал по интересующей нас теме находится на страницах воспоминаний партизанских командиров. Эти люди были причастны к событиям, о которых идет разговор в данном издании. Отметим документальные очерки П. С. Воробьева «Имени комсо-

мола» (2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 1984. – 240 с.), Р. Н. Мачульского «На огненной земле» (Минск, 1984. – 160 с.), М. С. Прудникова «Неуловимые». (Ярославль, 1964. – 207 с.).

Комиссар партизанской бригады «Штурмовая» И. М. Фёдоров поделился своими воспоминаниями о спасении детей Семковского приюта в статье «Ім вярнулі дзяцінства» (Маладо-сьць. – 1984. – № 4. – С. 154–157). Об этом детском заведении рассказывают В. Буйничский, А. Матусевич, А. Попов, А. Владимирова, А. Шагун.

Трагической судьбе еврейских детей посвящены работы А. Гуревич «Судьбы еврейских детей в годы оккупации» (Евреи Беларуси: История и культура: сб. ст. – Минск, 1998. – Вып. 2. – С. 119–125) и Л. Смиловицкого «Судьба еврейских детей в Белоруссии в годы Холокоста. 1941–1944 гг.» (Евреи Беларуси: История и культура: сб. ст. – Минск, 2000. – Вып. 5. – С. 14 4 –16 3).

Необходимо отметить книгу В. В. Гойтана «И вечный бой» (Минск, 1989. – 174 с.). Автор, сотрудник Министерства внутренних дел, значительную часть своей жизни посвятил поиску разлученных войной людей, в частности помог найти родных многим детям, которых война и послевоенное время разбросали по всему пространству СССР.

Заканчивая краткий обзор литературы по указанной теме, необходимо отдельно отметить работы С. Алексиевич, особенно книгу «Последние свидетели. Книга недетских рассказов» (М., 1985. – 175 с.), которая не только значительно дополняет то, что мы знаем о военной судьбе детей Беларуси, но и во многом впервые обращает наше внимание на трагическую судьбу юных белорусов, вызывает боль и чувство печали в сердцах людей. Работы С. Алексиевич широко освещались в печати, получили самые высокие оценки и признательность как тех, кто пережил военное лихолетье, так и простых читателей.

Большую работу по воссозданию трагедии жизни белорусских детей, в первую очередь уроженцев Витебской области, провел наш земляк из Городокского района, ныне – москвич, бывший узник гитлеровских концлагерей Леонид Степанович Аникеев. Автор изучил значительное количество архивных материалов, встречался со многими малолетними узниками концлагерей, записывал их воспоминания. Результатом его многолетнего труда стали две книги, обличающие фашизм и его действия (Аникеев Л. С. Тайна фашистских концлагерей. – М., 2005. – 352 с.; Его же. Судите сами... Книга памяти. – М., 2005. – 368 с.)

Близки по содержанию с вышеназванными изданиями работы С. С. Панизника. Он провел поиск детей родного Освейского района, угнанных гитлеровскими захватчиками в Саласпилский концлагерь. «Освейская трагедия: Книга народной памяти» (Минск, 1992. – 173 с.) – это собранные и записанные воспоминания земляков, томившихся в фашистских застенках. На страницах книг С. С. Панизника отображены трагические судьбы детей Беларуси, показана вся суть оккупационного режима, так называемого нового порядка, который нес немецкий фашизм народам мира.

Новым и отрадным явлением в изучении обозначенной темы стал круглый стол (Дети войны: материалы круглого стола «Детские дома в г. Витебске и Витебской области на временно оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», 2005 г. – Витебск, 2007. – 144 с.), который прошел в Витебском областном музее Героя Советского Союза М. Ф. Шмырёва. В его работе приняли участие сотрудники государственных музеев области, а также школьных музеев, архивов, Витебская ассоциация бывших узников фашизма «Лёс», очевидцы тех событий. Подобное научное мероприятие впервые проведено не только в республике, но и на всем постсоветском пространстве. Участники круглого стола определили темы для дальнейшей научной работы.

Необходимо отметить, что не со всеми материалами по обозначенной теме, точнее, с некоторыми акцентами и мнениями, автор согласен. Так, Якуб Ивашин в интересном и содержательном очерке, который мы уже вспоминали, утверждает: «В глубокий тыл за короткий срок были вывезены целые заводы, многие организации, заведения... Вот только про детские

дома тогда почему-то забыли и хватит пальцев на одной руке, чтобы пересчитать детдома, воспитанникам которых посчастливилось выехать на восток. Большинству же из них довелось страдать на захваченной немцами территории» (Маладосць. – 1997. – № 12. – С. 213). Официальная статистика, приводимая на страницах нашей книги, а также исследования автора показывают, что это не совсем верно. На восток было эвакуировано 110 из 190 детских домов. Дело в том, что мы очень мало об этом знаем.

В газете «Комсомольская правда в Белоруссии» (2000. – 17 марта) был помещен очерк собственного корреспондента газеты Александра Хилимона под заглавием «История о военном сиротском доме, организованном немцами в оккупированном Ивье, до нашего времени не вкладывается в проштампованную правду о войне». Автор корреспонденции пишет, что именно «потому о существовании приюта поспешили “забыть” сразу же после войны. Когда и это не помогло, был запущен “слух”, что здесь жили дети полицаев».

Детский приют в Ивье, к сожалению, не единственный в республике, о котором мы «забыли». Таких насчитывалось на белорусской земле в годы оккупации, как отмечалось раньше, около 50. Ивьевский приют – один из них. А почему мы их забыли – это отдельная тема. В своих очерках мы стараемся дать ответ на данный волнующий нас и сегодня вопрос. Прежде всего потому, что мы в большом долгу перед детьми военной поры.

Только нами установлено 102 детских учреждения, эвакуированных на восток страны, в том числе 39 детских домов, 30 детских садов, 20 пионерских лагерей, 2 яслей-сада, 3 других разнопрофильных детских учреждения, а также 8 других детских заведений, профиль которых пока не установлен.

Сколько детей были узниками фашизма? Только Брестская областная организация общественного объединения «Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников» включает 14 тысяч человек.

Таков краткий обзор проделанной работы за послевоенные годы по теме «Дети лихолетья».

Опираясь на уже исследованное и написанное, автор провел собственное расследование по указанной проблеме, которому посвятил более тридцати лет. Это работа в архивах и музеях, но в первую очередь многочисленные поездки, встречи с воспитанниками и их воспитателями, запись воспоминаний-исповедей о событиях лета сорок первого года, жизни в эвакуации и на территории Беларуси в период оккупации и послевоенное время. Очень часто такие беседы-воспоминания заканчивались слезами. Наши собеседники не всегда могли спокойно говорить о том, что им довелось пережить, с обидой рассказывали об отношении официальных властей к их послевоенной жизни – многие имеют тяжелые душевные раны и по дорванное здоровье. Автор вел активную переписку с героями своих рассказов. Данные письма-воспоминания широко использованы на страницах издания и, по сути, составляют содержание книги.

Однако не все удалось найти, изучить и исследовать подробно. О некоторых детских учреждениях, вывезенных на восток и существовавших на оккупированной территории Беларуси, почти нет материалов, поскольку осталось очень мало очевидцев. Наше издание – это попытка обратить внимание общественности на заданную тему. Автор надеется, что люди, прочитав книгу, откликнутся, особенно та часть населения, о которой идет здесь речь.

Нужно учитывать, что в материалах-воспоминаниях имеются некоторые противоречия, неточности. Но главное заключается не в этом. В памяти людей, в первую очередь детей, сохранилось то, что их больше всего потрясло, будто сфотографировалось, отозвалось в сердцах и душах. К тому же дети воспринимали многие события иначе, чем взрослые.

Напомним, книга носит строго документальный характер: все, о чем в ней рассказано, каким бы трагическим, невероятным это не казалось, происходило в реальности. Требуются дальнейшие поиски, с которыми необходимо торопиться. Впереди большая целенаправленная и кропотливая работа. Время уходит...

Эшелоны шли на восток

С позиции сегодняшнего дня легко судить о том, все ли было сделано, чтобы вывезти детей из охваченных войной районов. По-видимому, можно было бы сделать больше...

Надо, однако, иметь в виду, что Беларусь оказалась на направлении главного удара гитлеровского вермахта и ее территория стала ареной жестоких кровопролитных боев. О положении, сложившемся летом сорок первого года на белорусской земле, сейчас хорошо известно из исторической литературы, в которой исследовались причины трагедии первых месяцев войны. Нет необходимости подробно об этом писать, да мы и не ставим такую задачу. Подчеркнем, что западные области республики были оккупированы врагом за считанные дни и часы. На проведение эвакуационных работ времени и возможностей почти не было. К тому же налеты гитлеровской авиации мешали организованно осуществлять эвакуацию. Уже 24 июня Минск был подвергнут разрушительной бомбардировке, которая без перерыва продолжалась до 28 июня – дня полной оккупации города. Минск лежал в руинах, что не позволило вывезти из него все детские учреждения. Необходимо учитывать и такой субъективный фактор, как неверие некоторых людей и руководителей республики в быстрый захват врагом территории Беларуси. В условиях тоталитарной системы руководство БССР не могло взять на себя ответственность самостоятельно объявить эвакуацию. При этом у руководства республики, да и не только у него, была уверенность, что Красная Армия быстро начнет контрнаступление и освободит временно оккупированные районы. Идеологический тезис о непобедимости Красной Армии, что существовал в предвоенные годы, не позволил вовремя принять решение, адекватное развитию ситуации. Те, кто в этот сложный для страны период понимал, что время терять нельзя, а нужно начинать эвакуацию, объявлялись паникерами или, еще хуже, предателями. 23 июня ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли решение об эвакуации в двухдневный срок детей дошкольного и младшего школьного возраста из всех городов, которые подверглись бомбардировке. Что касается эвакуации минских детей, то речь в то время велась только о вывозе их за черту города. Бывший директор школы № 6 г. Минска Константин Иосифович Король вспоминает, что 23 июня он был направлен Минским областным отделом народного образования в Червень

для организации приема детей из детских садов и яслей Минска. Но вывоз был сорван из-за того, что на второй день началась бомбардировка города немецкой авиацией¹.

Положение с эвакуацией дошкольных и школьных учреждений Минска усложнялось тем, что многие из них находились в это время в загородных зонах, далеко от города и железной дороги.

Минская подпольщица Мария Романовна Ивановская вспоминает: «Работниц минской фабрики “Коммунарка” не выпускали за ворота фабрики 2 дня. У многих дети находились в пионерском лагере “Стайки”. Когда началась интенсивная бомбардировка города, многие женщины, несмотря на охрану и запрет военного времени, бросились за детьми. Транспорта для матерей не нашлось. Добежали под бомбами к лагерю, но детей там не нашли»². Представьте себе, что делалось в этот момент в сердцах матерей.

В первые же дни войны группу детей пограничников из г. Замброва (Белостокская область) вывез секретарь ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянин, находившийся там в служебной командировке. Детей определили в минскую школу № 30. С помощью военного коменданта старшая пионерважата Анна Николаевна Немогай 26 июня 1941 г. эвакуировала детей в станицу Котовская Сталинградской области³.

Большой героизм и преданность проявили в первые дни войны сотрудники детских учреждений. Очень часто, не ожидая «команд», распоряжений и помощи, они действовали сами, спасали детей на свой страх и риск, руководствуясь чувством ответственности и душевным порывом. Это благодаря им были спасены тысячи детей, в первую очередь из западных и центральных областей Беларуси.

Для спасения детей и населения, несмотря на все трудности военной поры, делалось многое. Более организованно началась эвакуация населения после создания при СНК БССР 25 июня Республиканской эвакуационной комиссии. В ее состав вошли пять человек, в том числе председатель СНК И. С. Былинский. Кроме того, в областных и районных центрах на крупных транспортных узлах работали эвакуационные тройки, которые создавались из числа сотрудников советских хозяйственных органов и представителей охраны общественного порядка.

В местах наибольшей концентрации людей, а также на крупных железнодорожных узлах (Орша, Витебск, Могилев, Полоцк, Гомель и др.) было организовано 24 эвакуационных пункта. Там проводилась, насколько это было возможным, медицинское обслуживание, оказывалась помощь деньгами, продуктами питания, обувью, одеждой. На эти нужды правительство республики в централизованном порядке выделило три миллиона рублей. Одновременно СНК БССР обязал исполкомы областных и районных Советов депутатов трудящихся выделить из местных бюджетов дополнительные средства для субсидирования населения, которое отправлялось на восток.

В западных районах РСФСР, пограничных с БССР, было создано до десяти контрольно-пропускных пунктов по эвакуации, где постоянно дежурили уполномоченные СНК БССР. Они организовывали помощь беженцам, которые прибывали из Беларуси, осуществляли их отправку в дальние тыловые районы страны. Один из таких пунктов, о котором вспоминают многие дети, был создан в Москве женщинами-белорусками, эвакуированными из республики. Они считали своим долгом помочь детям, которые направлялись на восток, в первую очередь в Мордовию. Прежде всего женщины, а среди них были жены ответственных работников, провели сбор средств. Было собрано 16 450 рублей. Для детей во время остановки в Москве они организовывали обеды, покупали продукты на дорогу, обеспечивали теплыми

¹ Жылінскі, М. Г. Эвакуацыя дзяцей з тэрыторыі Беларусі ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны / М. Г. Жылінскі // Грамадазнаўчыя навукі: метадалогія, праблемы, перспектывы. – Мінск, 2001. – Вып. 1. – С. 44.

² Купрэва, Г. Пакінуты народ / Г. Купрэва // Беларуская мінуўшчына. – 1993. – № 2. – С. 47.

³ Шли девчонки по войне. Книга воспоминаний. – Минск, 2005. – С. 166.

вещами. Все дети получали шерстяные свитера, теплое белье, носки, чулки, платья. Если позволяло время, знакомили детей с Москвой, водили в кино⁴.

Для решения проблем по размещению эвакуированных на новых местах СНК БССР направил своих представителей в Куйбышевскую, Ульяновскую, Свердловскую, Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую и другие области РСФСР. Они, как могли, поддерживали детей и население Беларуси, направлявшихся в советский тыл, оказывали необходимую помощь, указывали маршруты движения⁵. Но далеко не все делалось организованно. Многие эвакуируемые, в том числе дети, как это видно из их воспоминаний, часто ощущали недостаток в питании и медицинском обслуживании. Перегрузка железных дорог, бомбежки в начале пути, приоритет перевозки воинских частей заставляли гражданские эшелоны, двигавшиеся на восток страны, добираться к месту назначения, о котором они часто и не знали, на протяжении недель. В пути не всегда было организовано питание, необходимое обслуживание. Это ставило детей и сопровождающий их персонал в чрезвычайно трудные, порой трагические условия. Но благодаря верности своему долгу, необычайной любви к детям, патриотизму сотрудники детских учреждений смогли вывезти в тыловые районы сотни юных граждан Беларуси.

Часто в спасении детей принимали участие простые граждане республики, случайно оказавшиеся в эти трагические дни рядом. Они не могли пройти мимо детского горя, страданий, смерти. И. Ковальчук, проживавший после войны в г. Могилеве, свидетельствовал:

«Война застала меня в городе Белостоке. На город внезапно налетели немецкие самолеты, и началась бомбежка. Так повторялось через каждые 15–20 минут. Город был охвачен пожаром. Потеряв в суматохе свою семью, я оставил город. Фашистские самолеты преследовали беженцев и днем и ночью, поливая все вокруг из пулеметов. Утром 25 июня на шоссе в районе города Волковыска создалось скопление автомашин и людей. Налетевшие фашистские стервятники несколько часов бомбили дорогу. Очень много людей было убито и ранено. В зарослях возле дороги среди трупов погибших женщин я увидел около 40 живых маленьких детей в возрасте примерно 2–4 года с распухшими от крика лицами. Я бросился спасать их. Остановил на дороге две грузовые машины (чьи они были, я не знаю), погрузил туда малышей.

В первых числах июля после тяжелого и опасного пути я привез и сдал детей в один из детских домов Могилева. Думаю, что их удалось эвакуировать и дети остались живыми»⁶.

Хотелось бы и нам в это поверить.

Не обходилось без жертв и тяжелых потерь. Так, при попытке вывести детей к ближайшей железнодорожной станции и вывезти их в советский тыл попал под массированный удар вражеской авиации коллектив минского детского сада № 52, размещавшегося в пригороде Минска – Уручье. Дети и их воспитатели, по некоторым сведениям, погибли. Такая судьба постигла и детей пионерского лагеря Управления шоссейных дорог, располагавшегося в пригороде Минска. Несли потери дети и во время продвижения на восток, особенно в начале пути. С особыми трудностями сталкивались руководители детских учреждений, находившихся западнее Минска: им приходилось, в полном смысле слова, «прорываться» через охваченный сплошным морем огня Минск, который начиная с 23 июня подвергался непрерывным налетам и бомбардировке немецкой авиации.

Эвакуация детей часто проходила в два этапа. В июне – августе часть детей была вывезена в восточные районы республики, еще не оккупированные врагом. К железнодорожным

⁴ Панамарэнка, В. Клопаты аб дзецях-сіротах / В. Панамарэнка // Работніца і сялян ка. – 1946. – № 2. – С. 10.

⁵ Павлов, Я. С. В суровом сорок первом / Я. С. Павлов. – Минск, 1985. – С. 110.

⁶ Кавальчук, І. Кім вы сталі, малышы? / І. Кавальчук // Магілёўская праўда. – 1975. – 30 крас.

станциям в Орше, Гомеле, Витебске, Новобелице, Калинковичах стекались машины и подводы с детьми. Оттуда в пассажирских и товарных вагонах их отправляли дальше, на восток. Однако в условиях постоянных бомбардировок, боевых действий во время эвакуации возникали непредвиденные обстоятельства. Ее проведение усложнялось недостаточной организованностью, малым количеством транспортных средств, слабой медицинской базой на эвакуационных пунктах.

Некоторые детские учреждения, уже будучи на территории России или Украины, вынуждены были повторно менять местонахождение. Так, один из минских детских садов вначале был эвакуирован в Калужскую область. При приближении врага детский сад вновь снялся со своего нового места пребывания и был направлен далее на восток, в Пензенскую область. Дважды переезжал и Улуковский детский дом Гомельского района: из Донбасса в Кемеровскую область. Дважды был в пути Рогачевский детский дом и некоторые другие.

Упорное сопротивление советских войск позволило эвакуировать из восточных районов Беларуси большее число детей, чем из западных. Незначительное количество детских учреждений, эвакуированных из западных областей республики, объясняется и тем, что эти области менее двух лет на ходились в составе БССР и там не была создана столь широкая сеть детских заведений – садов, яслей, пионерских лагерей, детских домов, как в центральной и восточной частях страны.

Огромная работа была проведена в Гомельской области. Руководство Гомельского горисполкома докладывало, что с 3 по 11 июля через Гомель из западных областей прошло 445 вагонов с детьми из детских домов, садов, яслей и пионерских лагерей⁷. Для руководства эвакуационными действиями в городе был создан штаб во главе с заместителем председателя облисполкома М. Я. Карасиком. Целенаправленную работу в этом направлении вели комсомольские организации, которые помогали отправлять на восток детей. В городе был сформирован специальный комсомольский отряд, который сопровождал эвакуированных детей до Воронежа⁸.

Благодаря усилиям партийного и государственного руководства в Гомеле эвакуация детей проводилась в большей степени организованно. Так, по свидетельству жителей, еще за три дня до оккупации города по улицам патрулировали сотрудники милиции и предупреждали лиц, имеющих детей до шестнадцати лет, о необходимости эвакуации⁹.

Кроме объективных причин, связанных с развитием военных действий на территории Беларуси и повлиявших на эвакуацию детей, были и субъективные факторы, наложившие свой отпечаток на спасение детских учреждений. Нередко руководители детских домов, пионерских лагерей, детских садов, дети которых были вывезены для оздоровления на лето в загородные зоны, не могли самостоятельно принять решение об эвакуации, опасаясь ответственности за панику, ожидая распоряжений и директив «свыше». А их зачастую не было. Когда же становилось очевидным, что такие команды не поступят и необходимо срочно спасти детей, время было упущено. Руководители некоторых детских учреждений не отдавали детей приехавшим за ними родителям, уверяя последних, что дети будут вывезены на восток страны организованно. А это случалось не всегда. Тоталитарная система, жесткий централизм, привычка жить по указаниям начальства, опасаясь за свою судьбу – как бы чего не вышло, – сыграли отрицательную роль в спасении детей от ужасов войны.

Были случаи, когда руководство детских учреждений в экстремальных ситуациях бросало своих воспитанников на произвол судьбы, заявляя: «Спасайтесь сами».

⁷ Жылінскі, М. Г. Эвакуацыя дзяцей з тэрыторыі Беларусі ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны. – С. 47.

⁸ Стрижак, Т. Н. Всегда с народом / Т. Н. Стрижак // В труде и в бою. Воспоминания ветеранов комсомола. – Минск, 1970. – С. 105.

⁹ Партизанская криничка / С. Антонов [и др.]. – Минск, 1972. – С. 5–10.

Основная ответственность за эвакуацию легла на директоров – заведующих пионерскими лагерями, детскими садами, яслями, детскими домами. Организованного вывоза детей из районов западнее Минска в документах и воспоминаниях почти не прослеживается. Необходимо иметь в виду, что детских заведений в западных районах Беларуси было намного меньше, чем в центральных и восточных областях республики. Важно подчеркнуть, что водителями в пионерских лагерях, яслях, других детских учреждениях, вывезенных из городов на оздоровление в сельскую местность на лето, как правило, работали студенты или старшеклассники городских школ, поскольку весь основной штатный персонал на лето уходил в отпуск. На плечи небольшого постоянного состава и их юных помощников легла основная тяжесть по спасению жизней детей. С особыми трудностями встретились воспитатели детских яслей. Если воспитанники детских домов и пионерских лагерей были постарше, то в яслях находились дети совсем маленького возраста, за которыми требовался совершенно иной уход.

Эвакуация детей из Беларуси, а именно то, что было сделано в первые недели грозного сорок первого, – это действительно величайшее проявление героизма сотрудников детских учреждений, педагогов, врачей и представителей многих других профессий. Но у нас пока недостаточно сведений о некоторых детских учреждениях и людях, спасавших детей. Требуется дальнейший поиск.

На гостеприимной земле сестер и братьев

На узловых железнодорожных станциях многих крупных городов России с первых дней войны активно работали эвакуационные пункты, выполнявшие задачу по приему и размещению эвакуированных граждан, учреждений и промышленных предприятий. На таких пунктах круглосуточно находились представители государственных учреждений и медицинские работники.

Война разбросала детей из Беларуси по многим регионам страны. Наибольшее количество детских учреждений было вывезено и размещено в РСФСР. Детские коллективы нашли приют на Алтае, во Владимирской, Волгоградской, Вологодской, Ивановской, Калужской, Кемеровской, Курганской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Челябинской областях, в Мордовии, Удмуртии, Татарии, Чувашии. Война забросила детей из родных мест в далекие Казахстан и Узбекистан.

Делалось все, чтобы создать для детей, эвакуированных на восток, надлежащие условия жизни. Под детские дома, сады, ясли отводились лучшие здания – школы, клубы, санатории, дома отдыха и т. д. Многие из них пришлось расширять, в результате чего появлялась возможность размещать большее количество детей. Вывезенные на восток СССР белорусские дети находились на полном государственном обеспечении. На человека в день по нормам РСФСР выделялось 2 рубля 75 копеек. Руководство республики неоднократно посылало своих представителей в те регионы, где находились эвакуированные из Беларуси детские учреждения. Представители знакомились с условиями жизни детей, привозили подарки и детскую литературу. В отчетах подчеркивалось, что условия жизни, питания белорусских детей в основном удовлетворительные. Трудности были с обеспечением обувью и постельными принадлежностями, но постепенно и они преодолевались, детям отдавали все лучшее. Данные мероприятия требовали немалых материальных и финансовых затрат. Советская власть не жалела денежных средств на содержание дошкольных заведений. В январе 1942 г. Совет Народных Комиссаров принял специальное постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Этим документом СНК обязал местные органы советской власти, заводы, фабрики, колхозы проявлять максимум внимания и заботы о детях, повсеместно открывать детские дома, сады-интер-

наты, приемники-распределители и другие учреждения закрытого типа. Государство поддерживало тех граждан, которые брали детей на воспитание или выражали желание осуществлять опеку или патронаж над ними.

Таким людям местные органы Наркомпроса должны были оказывать ежемесячную денежную помощь в размере 50 рублей на одного ребенка, для них были предусмотрены и другие льготы.

Представители правительства Беларуси часто посещали детские учреждения, в которых находились дети из республики. Неоднократно выезжала в специальные командировки Нарком просвещения Беларуси Е. И. Уралова, начальник управления Наркомпроса С. Я. Кунявский и другие. Они изучали положение детей в различных регионах, оказывали необходимую помощь.

Активное участие в создании детских учреждений для эвакуированных детей оказали женщины-активистки Кировской области, добрый почин которых нашел поддержку по всей стране. В период массовой эвакуации детей из прифронтовой полосы в Кировске прошло расширенное областное совещание женского актива по вопросам оказания неотложной общественной по мощи эвакуированным детям. Нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин в своем выступлении отметил, что забота о детях в дни войны является высоким патриотическим долгом, что в этом важном деле должна в широких и действенных формах проявляться инициатива женщин-патриоток. На его призыв горячо отозвались тысячи советских женщин.

Поддержку кировских активисток ощутили и белорусские дети. На Урале, в Алтае, Сибири, Казахстане, Узбекистане дети были окружены постоянным вниманием и заботой местных властей и жителей.

Многие крупные промышленные предприятия, колхозы, высшие учебные заведения Саратова, Самары, Нижнего Новгорода, Ташкента, Ашхабада, Кустаная и других городов страны по своей инициативе брали на полное содержание и воспитание тех детей, которых на новых местах по разным причинам невозможно было разместить в детские дома или сады-интернаты. «Завод – отец, фабрика – мать», – так называли эти предприятия. Одними из первых взяли на себя такую необычную функцию Самарские сахарный и шарикоподшипниковый заводы. Строители этих предприятий срочно переоборудовали под детские сады-интернаты освобожденные помещения, а женщины-активистки организовали прачечную, баню, мастерскую по ремонту и пошиву белья, одежды, заготовке топлива и продуктов питания. В дальнейшем эти дошкольные учреждения стали одними из лучших в области как по благоустройству, так и по качеству воспитательной работы.

Вот как был организован прием детей в Узбекистане, куда направлялись и дети Беларуси.

В Узбекистан в годы войны были эвакуированы более миллиона человек. Особую заботу местные комсомольские и партийные органы проявляли о детях. В октябре 1941 г. по решению ЦК Компартии Узбекистана и СНК республики был организован Центральный детский эвакуационный пункт (ЦДЭП). В его регистрационном журнале отмечается, что с 25 ноября 1941 по 1 июля 1943 г. в Узбекистан прибыли тысячи детей из разных областей СССР, в том числе дети из Беларуси. Узбеки сделали все, что от них зависело, чтобы ребята были здоровыми и образованными. За ними был установлен хороший уход. Правительство республики выделяло на каждого ребенка 866 рублей, что на 388 рублей больше, чем расходовалось до войны¹⁰. Одним из сотрудников

¹⁰ Фазылходжаев, К. Ф. Боевое содружество украинского и узбекского народов в годы Великой Отечественной войны / К. Ф. Фазылходжаев // Во главе нерушимого братства: Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор боевого и трудового сотрудничества народов СССР в ходе освобождения Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков: материалы респ. науч. конф., 29 окт. 1984 г. – Киев, 1985. – С. 126.

ЦДЭП работала эвакуированная из Минска библиотекарь Софья Айзиковна Гурвич.

Первым начальником эвакуопункта была назначена Наталья Павловна Крафт.

Условия работы были трудные, напряженные. Сотрудникам пункта приходилось работать, не считаясь со временем, не думая об отдыхе. Согласно воспоминаниям работников, первоначально помещение для детского эвакуопункта отвели на вокзале. Оно состояло из большого «приемного зала» – довольно темной комнаты с каменным полом. Кроме деревянных скамеек и стола, в ней ничего не было. Здесь обычно собирались дети до санобработки. В этой же комнате стоял столик, за которым сидел дежурный преподаватель. Он регистрировал прибывающих. Дверь из комнаты вела в длинный узкий коридор. Первая комната направо сначала была канцелярией эвакуопункта, а потом сотрудники сумели сделать ее спальней для детей, прошедших санобработку. В уютной обстановке на чистых простынях и подушках впервые в тишине и покое ребята засыпали, забыв грохот и ужасы войны.

По воспоминаниям А. И. Авдеевой, долгое время проработавшей начальником Центрального детского эвакуопункта в Ташкенте, создавать чистоту и уют помогали общественницы города, постоянно посещавшие эвакуопункт. Большое дело делали эти женщины. Благодаря их бескорыстному труду ребята попадали в теплую, дружественную обстановку.

Контингент прибывающих ребят был самым разнообразным по возрасту, состоянию здоровья. Задача эвакуопункта состояла в том, чтобы за двое суток ознакомиться с физическим и психическим развитием каждого ребенка и определить, куда его направлять: в детский дом или больницу либо устроить на работу. А. И. Авдеева вспоминала:

«Самое тяжелое впечатление производили дети-инвалиды. К нам попадали раненые, обожженные, контуженные, слепые дети. Эти жертвы гитлеровского вторжения всем своим видом и душевным надрывом потрясали нас. Их мы отправляли в детские инвалидные дома. Но общение с ними надолго выводило из равновесия. Страдания этих детей вызывали у нас прилив ненависти к жестокому врагу, заставляли еще напряженнее работать, чтобы приблизить час победы».

В это тяжелое время на помощь сотрудникам детского эвакуопункта приходили руководящие работники республики. Много внимания прибывшим ребятам уделял член Республиканской комиссии помощи эвакуированным детям (была создана в Узбекистане и такая комиссия) всеузбекский староста Юлдаш-ака Ахунбабаев. Всегда спокойный, доброжелательный, отзывчивый, он внимательно выслушивал сотрудников ЦДЭП и немедленно принимал меры по оказанию помощи. Значительную поддержку оказывали эвакуированным детям и другие члены Республиканской комиссии – Е. И. Пешкова (жена М. Горького), Иванова (жена писателя Вс. В. Иванова).

«С питанием у нас было хорошо, – вспоминает А. И. Авдеева. – Обеды готовили на своей кухне, а когда эшелон шел через Ташкент, мы организовывали обед прямо в зале вокзала.

Хуже было с одеждой, трудно было на такую массу детей срочно заготовить все необходимое. Приходилось самим изобретать, находить способы защищать ребят от холода. И выходили из положения. Когда нам

выдали кошмы, мы решили пошить из них ребятам бурки. Другой раз получили шестьсот вязаных шарфов. Из них сами сшили свитера, шапки.

...Были у нас утраты, они тяжелым камнем ложились на сердце. Мучительно терять товарищей, стоящих с тобой рядом, плечом к плечу в трудной повседневной борьбе за жизнь детей. Десятилетиями не заживает такая рана. В дружном коллективе Центрального эвакуационного пункта только с декабря 1942 г. по март 1943 г. из тринадцати человек переболели тифом восемь. Из них умерли трое. До сих пор, как живая, стоит перед глазами наша любимица, воспитательница Валя Муштакова. Восемнадцать месяцев, не покладая рук, изо дня в день самоотверженно работала двадцатилетняя красавица Валя. Ино гда приходилось работать по три – четыре дня без отдыха. Но она не сдавалась, казалось, для нее не было ничего невозможного. Надо ли добиться санобработки детей вне очереди или устроить на работу подростков – все Валя делала быстро, без осложнений. Дети очень любили ее – она умела подойти к каждому из них. И вот... Не стало нашей Вали. Сыпной тиф скопил ее в течение шести дней. Угасла молодая, яркая жизнь.

Суровым январским днем мы провожали эту чудесную девушку в последний путь. Безутешно рыдала мать, горько плакали многочисленные подруги и друзья Вали.

Вскоре сыпняк унес жизнь Любы Гукасян. Скромная, молчаливая, незаметная, она делала большое трудное дело – была завхозом эвакуационного пункта. С раннего утра до поздней ночи на ногах. В мороз, в ненастье, в любой день надо было добиваться бесперебойного снабжения детей продовольствием и обмундированием. Трудный участок работы, особенно в военное время. Но эта миниатюрная женщина отлично справлялась со своими обязанностями. Ласково и любовно одевала она прибывших ребят. Снимала лохмотья, подбирала по росту одежду, а если надо было, то и ушьет, выпустит швы. И все делала с шуткой, как будто не было трудностей. А как она бережно хранила детское продовольствие! Конфетки к чаю никто у нее не выпросит без наряда. – Детям это! Поймите!

Долго не могли мы забыть и нашего дядю Алёшу, сторожа эвакуационного пункта, да и был ли он только сторожем? Ездил он с Гукасян за продуктами, ходил в разноску с пакетами по учреждениям, а поздним вечером, окруженный малышами, он рассказывал им сказки. Или вскипятит большой чайник, поставит посередине зала и угощает только что прибывших с эшелона голодных озябших ребят горячим чаем. Вот таким был Алексей Курбатов, скромный, застенчивый и очень отзывчивый человек»¹¹.

Вот так жил и работал в годы войны коллектив Ташкентского детского эвакуационного пункта, отдавая все силы спасению детей, брошенных войной в далекий Узбекистан. Также самоотверженно трудились сотрудники всех без исключения организаций и заведений, связанных с приемом, размещением и воспитанием детей, прибывших с военного запада.

Оказавшись далеко от родных мест, вывезенные в спешке, под обстрелом вражеской авиации дети прибывали в места эвакуации без самого необходимого для жизни в новых для них условиях. Не было одежды, питания, медицинского обслуживания. Так, Бавлинский райком ВКП(б) 21 августа 1941 г. сообщал секретарю Татарского обкома партии о тяжелом положении эвакуированного населения, прибывшего в район. Среди них был 261 ребенок из Бела-

¹¹ Марьяновский, Г. Ташкентский вокзал / Г. Марьяновский // Дети военной поры. – 2-е изд., доп. – М., 1988. – С. 23–32; Алматинская, А. Свет наших огней / А. Алматинская, А. Авдеева. – 2-е изд., доп. – Ташкент, 1971. – С. 5–7, 9–11.

руси. У детей не было одежды, обуви, район не имел возможности обеспечить прибывших необходимым питанием¹².

Но постепенно трудности преодолевались благодаря вниманию партийных и советских органов, заботе об эвакуированных простых советских людей.

Наибольшее количество детей из Беларуси были вывезены в Саратовскую область и нашли там себе вторую родину. Так, на железнодорожных станциях Саратова, Вольска, Балашова и Ртищево юных белорусов ждали представители органов народного образования, детских учреждений. Эшелоны встречали не только работники эвакуационных пунктов, но и простые саратовцы, чаще всего женщины. Нередко они уводили детей в свои дома, не обращая внимания на то, какой национальности ребенок: белорус, украинец, еврей. Вот она, исконно русская душа, в полной мере проявившая себя в лютую годину.

Чаще всего эвакуированных детей принимали на эвакуационном пункте при железнодорожном вокзале станции Саратов-1.

Маленьких беглецов от войны принимали по-братски, без задержек распределяли по детским домам городов и сел области. Раненым и больным, а таких, к сожалению, было немало, оказывали необходимую срочную медицинскую помощь. Тяжелораненых и больных, а в ряде случаев и чрезмерно истощенных направляли в детские больницы.

Город Хвалынский, в котором до войны проживали 16 тысяч человек, в годы военного лихолетья дал приют и хлеб 10 тысячам детей, эвакуированным из разных районов страны, оккупированных гитлеровскими войсками. Только Саратовским областным отделом народного просвещения по состоянию на 10 августа 1941 г. в хвалынские детские дома были направлены 487 эвакуированных из Беларуси детей.

Несмотря на то что население городка значительно увеличилось, его жители не только с пониманием создавшихся условий военного времени, но и с искренним радушием встречали беженцев из Беларуси, забирали их в свои дома, делились порой последним куском хлеба.

Все санатории и дома отдыха «Черемшаны» – первый, второй, третий, а также «Просвещенец» были переполнены. В городе был создан детский дом № 1, который в народе называли «Минским», так как он был полностью укомплектован учениками минских школ, эвакуированными из пригорода Минска – Ратомки. В его распоряжение было отдано шесть зданий, находившихся в добротном состоянии. «Минским» называли также детский дом № 7 того же Хвалынска. Он был создан в июле 1941 г. для детей, эвакуированных из пригородов Минска – Ратомки, Городища и воспитанников детских садов № 7, 20, 38 и 65 г. Минска. В акте от 19 июля 1941 г. «О состоянии дел в новом детском доме № 7 гор. Хвалынска» отмечается, что «списочный состав детей – 224 человека, из них в наличии – 219 человек и 5 человек – на лечении в Хвалынской горбольнице». А поступление детей все еще продолжалось.

Многие дети прибывали в советский тыл самостоятельно, без взрослых. Случалось, что в дороге воспитатели, другие сопровождающие погибали во время многочисленных бомбежек, терялись в трудных условиях эвакуации. Часто в числе беженцев находились добровольцы, в основном девушки и молодые женщины, которые собирали детей на дорогах войны и доставляли на эвакуационные пункты. Так, В. Б. Разин приводит факты, найденные им в архивах г. Саратова, что в область прибыли из г. Ба рановичи – 11 подростков без сопровождения; из Белостока – 51 подросток без сопровождения; Бреста – 5 подростков без сопровождения; Ви тебска – 23 ребенка в возрасте от 2 до 14 лет без сопровождения; Орши – 3 подростка без сопровождения; Гомеля – 4 воспитанника детдома без сопровождения; Жлобина – 2 ребенка без сопровождения; Гродно – 4 подростка без сопровождения; Лиды – 1 ребенок, шестилетняя девочка без сопровождения; западных областей Беларуси – 49 человек от 6 до 14 лет без сопровождения;

¹² Белорусы в советском тылу. Июнь 1941 г. – 1944 г.: сб. док. и материалов. – Минск, 2010. – Вып. 1: Июнь 1941 г. – 1944 г. – С. 16.

Минска – 440 человек, дети разных возрастов без сопровождения (в том числе из детсада № 8 – 1 человек; детсада № 27 – 5 человек; детсада № 30 – 4 человека; детсада № 33 – 1 человек; детсада № 47 – 2 человека; детсада № 53 – 2 человека; детсада № 86 – 1 человек, детсада № 92 – 3 человека; яслей-сада № 3 – 2 человека); г. Могилева – 135 человек от 2 до 14 лет без сопровождения; г. Кричева – 87 человек от 6 до 14 лет без сопровождения.

Сейчас трудно представить, как дети в таком возрасте, в условиях страшной войны одни смогли добраться в далекий от родной земли край. Конечно, в пути им помогали взрослые, случайные пассажиры поддерживали, как могли... Но тем не менее...

Разин Владимир Борисович – минчанин, воспитанник детского дома, житель г. Саратова:

– Это – жутко, но вот такое-ое... не передать словами и не представить даже во сне: из ДЕВЯТИ (!) детских садов, добравшихся до земли саратовской из Минска, – оказалось всего лишь от ОДНОГО (!) до ПЯТИ (!) детей, и – без сопровождения (!).

Господи-и! Сколько же из миллионов детей, устремившихся в бегство из Беларуси, не добрались до приютов?..¹³

Вот еще одно страшное свидетельство.

Березина Г. И. – в 1941 г. старшая пионервожатая Саратовского детского дома № 1 «Красный городок», участвовала в приеме эвакуированных детей:

– Особо запомнился такой случай. Было это к вечеру одного из июльских дней сорок первого. Раскрылись ворота и въехала машина – трехтонка с фанерной будкой в кузове. От одного вида машины не по себе стало: пробоины кругом, наверное, не менее сотни. Но еще страшнее, когда начали снимать ребятишек двух-трехлеток. Было их человек двенадцать. У одной девочки, которой мы позже дали фамилию «Неизвестная» (сама она фамилии не могла назвать, и в этом ей никто из новобранцев не помог), была рана на голове. Раненых еще было четверо. Все малыши были истощены.

В столовой шофер поведал историю, которую я слушала со слезами на глазах и от первого до последнего слова запомнила на всю жизнь.

– Наша воинская часть, – рассказывал солдат, – стояла под Витебском. Немцы так наперли, что пришлось отступить. Но мы знали, что там остался Дом ребенка. Собрались с силой и выбили фашистов. Шастаем глазами и не видим детворы. Стали искать. Малышки попрятались кто где: в дровах, сараях, чуланах, под кроватями... Собрали человек тридцать. Нашлась и воспитательница, девушка лет двадцати двух, которая тоже пряталась: оказалась под кроватью.

Командир распорядился откомандировать меня в тыл, доставить детей и вернуться.

В машину набросали соломы, кое-как наспех покормили детей и воспитательницу, дали сухарей – и в путь. «Путь» – это легко сказать, что не километр – дорога в неизвестное. Сами видите... Приходилось и с самолетами «играть в кошки-мышки», и маскироваться. Ночами было легче.

После обстрелов останавливался и проверял состояние «дел»: убитых – снимал, раненым – лишь сочувствовал, не было ни бинтов, ни лекарств. Погибла воспитательница, и из тридцати малышей доставил лишь двенадцать.

Слава богу, хоть меня не задело, а то бы и этих негде было искать.

...И он, солдат, закончив рассказ, вдруг вскрикнул, заревел по-бабьи...¹⁴

В одном из документов, хранящихся в архиве Саратовской области, указывается, что Балаковским школьным детским домом № 1 приняты без путевок облоно:

¹³ Разин, В. Б. От Минска до Хвалынска: Дети Белоруссии на земле саратовской: 1941–1945 гг. / В. Б. Разин. – Саратов, 2003. – С. 36.

¹⁴ Там же. – С. 134–135.

«Буров Николай Васильевич – 1929 г. р. из д. Романы Белостокской области. Отец мальчика в Красной Армии, мать потерялась в дороге; Куличенко Анастасия Васильевна – 1929 г. р. из г. Барановичи. Отец девочки в Красной Армии, мать убита при обстреле эшелона; Умнов Николай Иосифович – 1930 г. р. из г. Минска. Родители мальчика в Красной Армии; Кульков Алексей Петрович – 10 лет и его брат Валентин Петрович – 8 лет из пос. Сморгонь (ныне Гродненская область. – В. П.) Отец братьев в Красной Армии, мать потерялась в дороге».

Вот еще один документ – «Выписка из сопроводительной записки эвакуационного пункта при железнодорожной станции Смоленск». В нем указывается, что «в Саратов направляются раненные при обстреле Смоленского железнодорожного узла, эвакуированные из Белоруссии подростки: Маковская Надежда Степановна – 10 лет, потеряла мать в пути; Горельник Леонид Михайлович – 7 лет, сопровождающие погибли; Михетко Леонид Евгеньевич – 12 лет, мать убита при обстреле эшелона; Вольский Михаил Викторович – 12 лет; Шевелев Павел Игнатьевич – 11 лет, потерялся при обстреле Смоленского железнодорожного узла; Мальчик двух лет – неизвестен»¹⁵.

Нельзя не привести воспоминания Н. С. Войцеховской (Рачинской). Горечь, боль, спазмы в горле вызывает ее рассказ, записанный В. Б. Разиным.

Войцеховская (Рачинская) Нина Сергеевна – с 1936 по 1944 г. работала воспитательницей детского дома № 1 «Красный городок» г. Саратова. В 1941 г. была избрана детдомовцами пионервожатой, активно участвовала в приеме эвакуированных детей. После работы в детском доме окончила Саратовский педагогический институт, десятки лет отдала школе. В 1990 г. организовала в Саратове встречу воспитанников детских домов области всех поколений, в которой приняла участие и группа бывших белорусских сирот:

– В первые два месяца войны пополнение было в основном из Беларуси. Детвору на телеге доставляли с железнодорожного вокзала, где по графику дежурили наши воспитатели. В то время в детдоме не было машин, их забирал военкомат.

Случались и неожиданности: распахивались ворота и во двор въезжала грузовая машина...

Запомнился один случай: в один из поздних июльских вечеров во двор детдома прибыл грузовик с детворой.

Новое пополнение встречали два дежурных сотрудника. В 1941 г. с первых чисел июля и до конца декабря для встречи эвакуированных в детдоме было налажено ежедневное суточное дежурство сотрудников.

В тот вечер мы, старшие девчонки, еще не спали. Мигом оделись, подняли старших мальчишек и – к машине. Нас не обязывали встречать новое пополнение, но мы не могли оставаться безучастными к такому событию.

Стоящий у открытого борта шофер-красноармеец едва слышно говорил: «Осторожно. Снимайте детей по одному. В долгом пути малыши всего натерпелись. Из Могилева мы».

Мы, старшие детдомовцы, не суетились. Распределили, кому чем заниматься. Плач, стон, хныканье малышей подстегивали, торопили. Очень хотелось побыстрее определить в тепло маленьких осиротевших человечков, пострадавших на опасных дорогах, не понимавших, откуда и почему на них свалилась такая огромная беда. Очень хотелось поскорее накормить их, обогреть словом. Как и все, я, протянув руки вверх, приняла с машины малыша, прижала к себе, и, осторожно ступая, пересекла двор. Я прошептала ему, кажется, все слова, которые могли бы успокоить хрупкое дрожащее существо.

¹⁵ Там же. – С. 53.

Нина Сергеевна Войцеховская (Рачинская)

Перед моечной мы в печи сжигали всю одежду малышей, так как в одежде всю «хозяйничали» вши.

Вася, так звали «моего» мальчика лет четырех, голубоглазого, со слипшимися русыми волосами, ухватился крепко обеими руками за небольшой мешочек и, не выпуская его из рук, слезно просил:

– Не надо его в печку!

Я осмотрела мешочек снаружи, на нем не было вшей, взяла его себе под мышку и сказала:

– Обязательно сохраним, раз ты так хочешь. Договорились?

– Ага, – тихо, с интонацией не по возрасту ответил малыш.

Стригли малышей наголо поднабравшиеся в этом деле опыта Сережа Парфёнов, Алик Александрович и Витя Плеханов. А наши девочки, имен и фамилий не помню, – мыли-мыли и осторожно терли страшно худущие тельца дерюжными мочалками. А мы, те, кто принес малышей в баню, стояли в ожидании.

И вот они, уже лысенькие и чистенькие, протягивали ручонки к нам, детдомовкам. В спешке да при скудном свете коптилок мы порой ошибочно надевали на мальчиков платица, а на девочек – штанишки, и поскорее – в корпус.

Потом что-то вроде ужина. Запомнилось предупреждение дежурного сотрудника: «Голодных детей кормить не досыта». На расставленных столах в коридоре больнички (так называли изолятор) – металлические миски с кашей.

...Уложив малышей в постели, девчонки присели на краешки кроватей своих подопечных. Мой Вася сунул свой мешочек под подушку. Я не возражала и не любопытствовала о тайне содержимого. Понимала: в мешочке что-то важное для мальчика.

Васенька вдруг взглянул на меня с какой-то задумчивостью, спросил:

– А ты не уйдешь?

– Спи спокойно. Не уйду, – ответила.

Попыталась рассказать малышу на сон грядущий сказку, не вышло. Он закрыл глазенки и засопел.

Переместив заветный мешочек к верхнему углу подушки, я на цыпочках потихоньку вышла из спальни.

Вслед за мной осторожно удалились из спальни и девочки.

Входя в свой корпус, мы попросили ночную няню Анну Мартыновну разбудить нас пораньше, чтобы до подъема малышей оказаться вновь у их постелей.

С рассветом опять туда, к новеньким...

Васенька – почти до пояса лежал на жиденькой подушке. Вот он проснулся, пошарил глазами по стенам, кроватям, потолку, окнам и, наверное, убедившись, что не в кузове машины, а в спальне, где – ни разрывов снарядов, ни свиста пуль, спокойно-спокойненько, взглянув на меня, спросил:

– Ты не уходила?

Я улыбнулась:

– Как видишь.

И подумалось мне, вот она, святая ложь, без которой не может обойтись иной, даже самый-самый «правдивый» человек. Да, наверное, мы не очень-то покривили душой – долго говорили о наших новеньких. Мысли мои были о нем, Васеньке, и его таинственном мешочке.

В глазах малыша вдруг вспыхнул огонек. Он поднялся, присел и стал медленно развязывать мешочек – серый, потертый. Вынул из мешочка красненькие, лаковые, совершенно новые ботиночки и протянул мне, сказав полупшепотом:

– Возьми. На.

Ботиночки девичьи и явно не по ноге Васеньки. Полюбопытствовала:

– Откуда они у тебя?

– Это не мои, – ответил, – сестричкины. Она умерла в дороге...¹⁶

Уже к концу 1941 г. все семь детских домов Хвалынска были переполнены чрезмерно. Характерен рост числа воспитанников в «Минском» детдоме № 7. 1941 год: июль – 224 человека; октябрь – 247 человек; декабрь – 274 человека. Необходимо отметить, что эвакуация детей из Беларуси, хотя и в значительно меньших размерах, происходила в течение всей войны. Через «Витебские ворота» за 1942 г. на восток страны было вывезено значительное количество детей, которых потом направляли в детские дома разных областей. Всю войну эвакуировали детей и на самолетах, которые обеспечивали партизан оружием, боеприпасами, а на обратном пути вывозили раненых, больных партизан и детей. К сожалению, сегодня мы еще не можем назвать даже примерное количество детей, эвакуированных на восток страны таким образом.

На первых порах белорусским детям нелегко было привыкнуть к суровому климату Урала, Алтая или Сибири, высокой летней температуре Казахстана и Узбекистана. Но со временем ребята и воспитатели адаптировались к климатическим особенностям новых для них мест проживания. Окруженные постоянным вниманием и заботой, получая поддержку от шефов – школ, заводов, фабрик, колхозов и совхозов, эвакуированные дети постепенно забывали страх, пережитый во время бомбежек, трагедии военного времени.

Немало детей за время этого ужасного пути забыли свои имена и фамилии, поэтому и нарекали их на земле саратовской неизвестными, букварями, саратовкиными и т. д. А что до имен и отчеств, так это были «прихваченные займы» имена директоров детских домов и воспитателей.

Дети есть дети. Особенно мальчишки. Шла война, и многие стремились попасть на фронт. Порыв сражаться с врагом Отчизны – не описуем. Сколько же их, ребят в возрасте от десяти лет и старше, убегали из детских домов только затем, чтобы добраться до фронта и окатиться в «самой что ни на есть настоящей боевой части». В сводках Саратовского областного отдела НКВД ежедневно сообщалось о фактах побегов. Кое-кому из детдомовцев удавалось достичь цели, и они становились сыновьями полков.

¹⁶ Там же. – С. 131–134.

Одним из таких «счастливиц» был Игорь Александрович Шилов. Десятилетним мальчишкой он убежал из Саратовского детдома № 1 «Красный городок» в июле 1942 г. Игорь оказался в интендантском подразделении стрелкового полка. «Сыном полка» он был без малого три года, протопал с боями по родной земле, а День Победы встретил за рубежом, в Австрии. По окончании войны в сопровождении офицера Игорь прибыл в Саратов и предстал перед военкомом области, из рук которого и получил свою первую заслуженную награду – медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Паспорт гражданина СССР он получил позже, а еще позднее, спустя пять лет, был призван военкоматом на действительную воинскую службу.

Большинству же беглецов не везло: их ловили, задерживали, доставляли в областной приемник-распределитель, а затем возвращали в детские дома.

А старшие подростки?.. Пользуясь отсутствием каких-либо документов, удостоверяющих личность, они «прибавляли» себе годик-другой (в Красную Армию призыв юношей осуществлялся с семнадцатилетнего возраста), шли в рай военкоматы и добивались отправки на фронт.

В феврале 1942 г. руководство Хвалынского района приняло решение: эвакуированных детей отдавать на воспитание в семьи. А для того чтобы заинтересовать горожан и сельчан, объявили: лица, взявшие на воспитание детей-сирот, освобождаются от трудовой повинности на строительстве объектов оборонного значения, т. е. на работах весьма тяжелых, и к тому же без оплаты. Перед «выбором» – идти на строительство объектов оборонного значения или, хоть и сам гол как сокол, принимать сироту – серьезно задумывались многие горожане и сельчане.

О сути работ на объектах оборонного значения можно судить по жизненным судьбам эвакуированных из Беларуси женщин, ставших сотрудниками хвалынских детских домов. Только в детском доме № 7 обморозила руки и перешла в открывшийся военный госпиталь, в нянечки, опытный педагог Александра Ивановна Кондякова; свыше месяца провела в больнице Алина Ивановна Володько, а Хана Борисовна Рольбина умерла.

Активная пропагандистская работа во всех рабочих и сельских коллективах, а также в местной печати, на радио, но, главное, чувство сострадания и людской доброты к детям дали свои плоды. Горожанами и сельчанами были взяты на воспитание тысячи детей-сирот. Уже 25 февраля 1942 г., т. е. в самом начале этой огромной и значимой работы, районная газета «Большевицкий путь» писала о сотнях семей, взявших на воспитание детей.

Прочтем и мы с вами отрывок из статьи в районной газете:

«Замечательный почин сделали работницы завода “Красный богатырь”, взявшие на воспитание осиротевших в дни войны детей. За ними последовали сотни семей.

Трехлетний Коля радостен и счастлив. Его взяла семья Пудовочкиных. Сергей Иванович и Федосья Константиновна создали хорошие условия, окружили материнской заботой малыша.

Агроном Хвалынского садовосовхоза тов. Виталий Арсентьевич Соколов взял на воспитание маленькую Галю...

Семья рабочего рыбпункта – Гореловы Андрей Степанович и Дарья Михайловна приютили у себя и окружили ласковой заботой Валечку двух с половиной лет...

Братика и сестричку Толю и Свету взяли на воспитание заведующая отделом агитации и пропаганды РК ВКП(б) Мария Григорьевна Телина.

Нет сомнения в том, что благородный почин патриотов нашего района будет подхвачен многими трудящимися, и осиротевшие дети найдут семью и счастье».

К сожалению, в этом благородном деле по усыновлению детей-сирот случались и трудности, неувязки. Так, были разлучены воспитывавшиеся в детском доме № 7 эвакуированные из Минска брат и сестра Тромеры. Рита в 1942 г. была взята на воспитание, а Максим остался в детдоме. Нашли они друг друга лишь спустя годы¹⁷.

На восток страны были вывезены тысячи детей из охваченных войной районов СССР, поэтому в жизни детских учреждений на новых для них местах возникало немало трудностей и проблем. Например, с посудой, одеждой, постельными принадлежностями, ведь дети прибывали практически ни с чем. В первое время посудой для первых и вторых блюд служили металлические миски и большие металлические ложки. Для третьих блюд использовались металлические кружки и граненые стеклянные стаканы. Вот и весь, казалось бы, простой набор. Но сколько нужно было проявить энергии и настойчивости руководителям разных уровней, чтобы полностью обеспечить все детские дома области этой самой посудой, ведь в июле 1941 г. в Саратовской области было более 60 (ШЕСТИДЕСЯТИ) детских домов, заполненных детьми разных возрастов до предела. В одном только Саратовском детском доме № 1 «Красный городок» обрели кров и тепло около тысячи человек.

Так, в одном из актов указывается, что директор Хвалынского дома отдыха «Просвещенец» Н. И. Рыбалченко сдал, а зам. директора детского дома № 7 в Хвалынске А. П. Дятловская и кладовщик детдома Р. М. Кунцевицкая приняли:

1. Кроватей никелированных с сеткой – 80 шт.
2. Кроватей железных с сеткой – 141 шт.
3. Матрасов – 100 шт.
4. Столов кустарных метровых – 38 шт. и т. д.

Во всех вновь открывшихся детских домах, даже городских, с целью частичного самообеспечения были срочно организованы свои подсобные хозяйства, выделен скот, а также созданы производственные мастерские: не менее трех мастерских в каждом детском доме – столярные, швейные, сапожные (по изготовлению столов, табуреток, скамеек, пошиву и ремонту одежды, обуви и т. д.)

Вместе с тем – и это в такие-то годы! – да еще в условиях недостатка денежных средств – в детских домах уделялось внимание развитию интеллектуальных способностей детей. Во всех детских домах были свои библиотеки (фонд пополнялся за счет бюджетных средств и добровольных пожертвований граждан); работали кружки художественной самодеятельности, создавались агитбригады, которые специализировались на выступ лениях в военных госпиталях. Кружками художественной самодеятельности руководили энтузиасты, среди которых были даже профессиональные артисты. Так, в Саратовском детском доме № 1 «Красный городок» хореографический кружок возглавлял солист Саратовского государственного театра оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского А. Петров¹⁸.

Сидорова А. Ф. – воспитатель Хвалынского детского дома № 1, местная жительница. В июле 1941 г. участвовала в приеме и размещении эвакуированных из Беларуси детей в одном из санаториев «Черемшаны», а затем в детском доме № 1:

– Все годы войны я работала воспитателем в детском доме № 1. Мы, сотрудники, как и горожане, называли наш детдом «Минским», так как подавляющее число воспитанников были дети, эвакуированные из столицы Беларуси.

Удивительные были дети, ни грубостей, ни отказов от выполнения заданий и поручений. Неуважительного отношения к персоналу и в помине не было. А 70–80 процентов в школе учились только на хорошо и отлично.

¹⁷ Там же. – С. 169–170.

¹⁸ Там же. – С. 60.

... Однажды моя подруга получила «похоронку» – погиб ее муж. Я провела у нее всю ночь, проплакали с ней, а утром – пришла на работу и, видимо, выглядела не лучшим образом. В тот день дети, как говорится, были ниже травы и тише воды. А Верочка, у которой родители погибли еще в пути при эвакуации, подарила мне сшитую из разных лоскутков куклу, и, хотя я была ненамного старше ее, обняла и прошептала на ухо: «Будьте здоровы, мама...»

... Особенно памятным и радостным для детей был поздний вечер третьего июля сорок четвертого года. Радио в тот день почему-то молчало. Новостей не слышали. Все шло своим чередом – и вдруг к детскому дому подошли несколько горожан с криком: «Веселитесь! Как можно не веселиться, Минск освободили!..»

Что тут было! – трудно и пересказать. Интернат загудел, мальчишки и девчонки прыгают, бегают, бесятся, бросаются в объятия друг друга... По целуи, смех, слезы... «Мы скоро поедem домой!» – несло со всех сторон.

А разве забудется случай из сорок первого года. Июль – наплыв белорусских беженцев. В конце того месяца в дом отдыха «Черемшаны» номер два, где я тогда работала, поступила девочка, лет семи. В Хвалынск она прибыла с мамой, но мама ее вскоре скончалась, от ран ли, от болезни, – не помню.

Принимая девочку, записываю с ее слов в тетрадь анкетные данные, и вдруг она заплакала и, взглянув на меня, тоненьким голосочком произнесла: «Я к маме хочу».

Говорю ей: «Мама скончалась, ты же ее в гробу видела?»

Отвечает: «Мне с ней рядышком в гробу лучше...»¹⁹

Везде в советском тылу, где оказались белорусские дети, им и их воспитателям был оказан самый теплый прием. Их встречали как самых родных и близких в городах и селах России, Казахстана, Узбекистана.

Мы, белорусы, хорошо помним и искренне признательны всем народам Советского Союза за предоставленный кров, тепло, радушие, с которым они принимали маленьких граждан нашей республики. Их бескорыстная забота о детях войны спасла жизни тысячам человек.

Низкий земной поклон вам от белорусского народа!

¹⁹ Там же. – С. 119–120.

С самых западных границ: друскенинкайский пионерский санаторий

В семейном архиве Марии Зиновьевны Райциной как самая дорогая реликвия военных лет хранится пожелтевшая телеграмма:

«Высшая пра ви тельственная тчк Директору Каракулинского детского дома товарищу Пев з неру копия воспитанникам тт тчк Анатолию Гри боедову зпт Маше Райциной зпт Виктору Кравченко тчк Прошу передать сотрудникам и воспитанникам детского дома зпт собравшим 10.915 рублей на строительство танковой колонны “За Советскую Белоруссию” зпт мой горячий привет и благодарность Красной Армии тчк И тчк Сталин».

В июне 1941 г. родители отправили тринадцатилетнюю Машу в Друскенинкай в пионерский санаторный лагерь. Здесь отдыхали дети из Белостокской области Беларуси, дети из Литвы, а также большая группа детей из соседней Польши, которые еще в 1939 г. вместе с родителями прибыли в Советский Союз, спасаясь от войны и гитлеровской агрессии. Торжественное открытие лагеря планировалось на 22 июня. К Маше на праздник должна была приехать из Белостока мать.

Воскресное утро выдалось ярким и солнечным. Занятые подготовкой к празднику, дети сначала не знали о случившемся. Но почему не едут гости? Почему у начальника лагеря и воспитателей такие встревоженные лица? Началась война! Эта весть молнией облетела весь лагерь. Могли ли вчерашние безмятежные мальчики и девочки тогда понять, что война перечеркнет их детство, разлучит с родными, что на их участь выпадут суровые, совсем не детские испытания.

Гитлеровские самолеты обстреливали лагерь, но, к счастью, никто из детей не получил ранения.

– Дети, мы отъезжаем. Бегите скорее в столовую за продуктами! – сказала вожатая.

В сорванные с подушек наволочки складывали все, что попадалось под руку: конфеты, ветчину, сахар. Потом выяснилось, что в спешке забыли самое главное – хлеб. И вот уже все двести детей Белостокского лагеря построены в колонну. Темной ночью под вражеским обстрелом их повели на вокзал. Директор санатория С. М. Певзнер и воспитательница А. Л. Рахленко возглавили эвакуацию.

Вечером состав двинулся в сторону Поречье – Гродно. Но за Поречьем рельсы были разорваны, мост через Неман взорван. Поезд пошел в направлении Вильнюса. За станцией Мартинконис попали под первый обстрел. Самолеты со свастикой на крыльях пикировали прямо на вагоны с детьми...

В начале июля эшелон № 336 дети прибыли в г. Сарапул, что в Удмуртии. Невозможно забыть о том, что встретили здесь детей, как родных. Сарапульцы натопили бани, собрали одежду, продукты питания. Многие горожане предлагали взять детей в свой дом²⁰.

Сначала дети размещались в Сарапульском доме отдыха, но решением городского Совета пионерские лагеря были объединены в один и реорганизованы в детский дом²¹. Осенью воспитанников из Белостокского пионерского лагеря перевезли в село Каракулино на берегу Камы. Для детей были отведены лучшие дома. Так, для них, разлученных войной с родителями, Каракулинский детский дом стал вторым отчим домом.

Особое внимание руководство детского дома и местные власти уделяли польским детям. Несмотря на трудности военного времени, детский дом ни одного дня не испытывал недостатка в продуктах питания, одежде и обуви. Не хватало теплого обмундирования, но и здесь

²⁰ Пулянова, Л. Ей было семнадцать / Л. Пулянова // Вечерний Минск. – 1985. – 10 июня.

²¹ Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сб. док. – Ижевск, 1974. – С. 32.

на помощь пришли колхозники и колхозницы Каракулинского района. Они приготовили для детей валенки, теплые полушубки, носки.

Тот осенний день сорок третьего года Маша запомнила навсегда. Группа воспитанников, среди них была и она, возвратилась из Ижевска с республиканского смотра художественной самодеятельности. Встречающий директор детского дома с радостью сообщил, что нашлись родители Маши, они воевали на фронте. Девочка начала переписку с родными и просила не волноваться за нее. Рассказывала, что в детском доме ребята живут дружно, что ее приняли в комсомол.

Маше и еще двум воспитанникам детдома – Толе Грибоедову и Вите Кравченко – родители присылали денежные переводы. Из газет, от взрослых дети знали, что в стране началось патриотическое движение по сбору средств в фонд защиты Родины. А что они могут сделать для того, чтобы скорее прогнать фашистов с родной земли? Ребята решили не тратить деньги, которые получали от родителей, а отдать в фонд Победы. Пусть это будет хоть и маленьким, но их вкладом в победу над врагом. Это детское движение поддержали все воспитанники детского дома, активное участие в нем приняли и дети-поляки.

Встреча с матерью, о которой все эти годы так мечтала девочка, произошла в июле сорок четвертого года в Новобелице. Е. М. Райцина была начальником лазарета авиационного батальона аэродромного обслуживания. Маша начала здесь работать. Она стирала бинты, белье, присматривала за ранеными. Так, в семнадцать лет началась ее трудовая биография – вольнонаемной 16-й воздушной армии 1-го Белорусского фронта. Победу девочка встретила недалеко от Берлина.

В послевоенное время местом жительства Марии Зиновьевны стал Минск. Окончила медицинский институт, работала врачом, заведующей отделением в одном из городских диспансеров. К боевой медали «За освобождение Варшавы» добавились награды за труд.

А как же польские дети?

С первых дней пребывания в Каракулино все они посещали школу. В местной средней школе для них были выделены специальные классы. В «Справке о детском доме для польских детей в с. Каракулино УАССР», составленной в мае 1946 г., отмечается:

«Коллектив учителей и воспитателей добился высокой успеваемости учащихся. Неудачных в учебе не было. 28 воспитанников детского дома учились в различных техникумах, 17 человек – в институтах Москвы, Харькова, Ижевска, Минска, Свердловска и Гродно. Ричард Бакст заканчивает Московскую консерваторию. Воспитанница детского дома Татьяна Изакович скоро будет врачом, она учится в Ижевском государственном медицинском институте на 4-м курсе. В детском доме широко была организована детская художественная самодеятельность. Работали хоровой и драматический кружки. На районном смотре художественной самодеятельности детский дом для польских детей занял 1-е место, а на республиканской олимпиаде детской художественной самодеятельности ему присуждено 2-е место с вручением диплома.

Районные организации и колхозы помогли детскому дому создать подсобное хозяйство. Продукты, получаемые с этого подсобного хозяйства, являлись дополнительным питанием для детей. Все работы на огороде и по уходу за скотом в основном выполняли старшие воспитанники детского дома. Делали они это с большим увлечением и любовью. Сейчас в хозяйстве детского дома 8 лошадей, 12 коров, 33 овцы, 6 коз, 37 свиней, много гусей и кур.

...Старшие воспитанники детского дома Шмайда Тадэуш, Мартьян Кундич, Лион Чермонькович и другие учили добровольцами на фронт, чтобы с оружием в руках отомстить врагу за мучения и горе, причиненные польскому

народу. Шмайда Тадэуш, ставший подхорунжим, писал с фронта своим товарищам в детский дом: “Я не сложу оружия до тех пор, пока враг не будет разбит окончательно”. И Тадэуш сдержал свое слово. Он беспощадно бил немцев сначала на советской земле, затем на польской, освободил Варшаву и как победитель шел по земле врага.

Сейчас, в дни мира, дети также стараются внести свою долю в дело восстановления городов, разрушенных врагом. От платных концертов они собрали свыше тысячи рублей и послали их на восстановление Варшавы. Свыше тысячи рублей воспитанники детского дома послали на восстановление города-героя Сталинграда. Первая партия польских детей была отправлена на родину в 1945 г. Жители Белостока и Варшавы тепло встретили своих маленьких соотечественников. На митинге, который состоялся в Белостоке, поляки горячо благодарили Советское правительство за заботу и внимание, проявленные к польским детям. Президент Крайовой Рады На родовой Болеслав Берут наградил директора детского дома С. М. Певзнера польским орденом “Крест за заслуги”...»²²

Ниже мы приводим отрывок из письма **Т. Низинского** – воспитанника Каракулинского детского дома в обком ВКП(б) с благодарностью за проявленную заботу о польских детях. Письмо датировано маем 1945 г. Сохраняем авторскую стилистику.

«...Пребывание в СССР мне дало возможность кончить 9 классов, стать человеком, который мог бы дать в будущем для общества то, что оно давало раньше мне. Долгое пребывание (в СССР. – В. П.) дало мне возможность хорошо познакомиться с бытом и жизнью великого братского русского народа. И теперь, когда я в скором времени должен вернуться на родину, в Польшу, я пишу эти слова: беден мой язык, чтобы выразить благодарность за все оказанное мне. Я не был здесь забыт, не был покинут, а наоборот, был окружен вниманием и заботой. Теперь я могу сказать: “большое спасибо Советскому правительству, а в его лице – и всему русскому народу за его заботу”. Дома я смогу рассказать о том, что русский народ – это великий народ, который может в тяжелые дни для себя помогать другим...»²³

Много было в нашей совместной истории, взаимоотношениях с Польшей героических, а порой и трагических событий. Но были и такие, о которых говорится в этом и других очерках, помещенных на страницах книги. И не надо их забывать...

²² Интернационализм в действии. Из истории интернациональных связей трудящихся Удмуртии. Документы и материалы (1917–1977). – Ижевск, 1980. – С. 111–112.

²³ Там же. – С. 112.

Дошли: областной пионерский лагерь «Лысая гора» под Гродно

До настоящего времени нам мало известно о судьбе детей областного пионерского лагеря, который размещался под Гродно на берегу реки Неман в урочище «Лысая гора».

Сергеев Н. Ф. – уроженец д. Ростевичи Зельвенского района, ныне житель г. Киева, фронтовик-сапер:

– В первые дни войны я был свидетелем того, как отходила на восток колонна областного пионерского лагеря (120 детей и 20 взрослых). Стоит перед глазами картина того, что довелось увидеть в те июньские дни сорок первого. Сухая жаркая погода. Волнуется хлебное поле. А за этим полем – черные столбы дыма. Это после налета немецких самолетов горят крестьянские дома. Из пылающей ржи то здесь, то там выходили красноармейцы. Они отходили на восток...

В этом пешем потоке разрозненно отступающих солдат, беженцев двигалась и колонна детей. Они держали курс на Мосты. Там сели на поезд, доехали до станции Рожанка. Но, по-видимому, дальше поезда уже не шли, и колонна, пользуясь попутным транспортом, возвратилась назад, в Мосты. Собрались все в пойме реки Неман. В ночь на 24 июня подошли к парому в районе д. Куриловичи. Здесь колонна разделилась. Часть детей во главе с женщиной-врачом по правому берегу реки пошли в направлении Лиды, Новогрудка, поскольку все они были из тех мест. Остальные, переправившись на левый берег, пошли в сторону Деречена. В этой колонне находились музыканты духового оркестра – в основном беженцы из Польши, которые, спасаясь от немцев, прибыли в Западную Беларусь в 1939 г. Помнится, была в этой колонне подвода, на которой везли продукты питания²⁴.

Скорее всего, эта группа держала направление на Барановичи, где проживали родители большинства детей. Они спешили к переправе через реку Щара, где слева от Деречина находился мост.

С детьми был старший пионервожатый А. И. Мачуленко. Он эвакуировал их в Ульяновск, а затем воспитанников направили в Куйбышевскую область. Доставив детей, сам А. И. Мачуленко в сентябре 1941 г. ушел на фронт.

²⁴ Макеева, И. Шла колонна на восток / И. Макеева // Гродзенская праўда. – 1999. – 31 жн.

«Мы нашли свое счастье»: Ошмянский детский дом

В детский дом г. Выкса Горьковской области Сергея Еминова определил отец в 1941 г., уходя на фронт. Виктора Радкевича привезли с группой детворы, эвакуированной из Ошмянского детского дома. Его отец погиб в 1939 г. во время освободительного похода Красной Армии по воссоединению белорусского народа. Матери у обоих мальчиков умерли до 1939 г.

Детский дом размещался в двухэтажном кирпичном здании на окраине города, в бывшем женском монастыре, отгороженном от улиц города высокой каменной стеной. Отопление – печное, туалет – на улице, вода – из водопроводных колонок. Посреди монастыря стоял полуразрушенный в 1930-е годы собор. В монастырских кельях жили монашки.

Еминов Сергей – воспитанник детского дома:

– Мы быстро подружились с прибывшими из Ошмян воспитанниками, среди которых были белорусы, поляки, евреи, украинцы и литовцы. И зажили одной дружной интернациональной семьей по принципу «один за всех и все за одного».

Все хозяйственные работы в детдоме выполняла детвора 11–15 лет. Возили из леса дрова, пилили и кололи их, топили печки, мыли посуду, таскали воду, носили с городского склада продукты, пололи грядки.

В детдоме было большое приусадебное хозяйство. Дети сами выращивали картошку, капусту, помидоры, огурцы, лук и даже гречиху. Для единственной лошади, которую обслуживал демобилизованный по ранению солдат, сеяли овес. Руководили и обучали детей премудростям агрономии сердобольные монашки.

Дети помогали взрослым заготавливать на зиму зеленые помидоры, квашеную капусту, соленые огурцы, картошку. Осенью собирали и солили белые грузди. Благодаря этому было обеспечено более-менее сносное трехразовое питание, чего нельзя было сказать об одежде. С ранней весны до осенних холодов ноги детей не знали обуви. С наступлением первых заморозков детворе выдавали «сабо» – ботинки из брезента на деревянной, из липы, подошве. Теплой одежды у воспитанников не было. Городская детвора, узнавая детдомовцев на улице, боялась близко к ним подходить.

Все детдомовцы сначала учились в средней школе, которую в 1942 г. преобразовали в ремесленное училище по подготовке молодых рабочих кадров для металлургического и машиностроительного заводов города. А младшие стали учиться в семилетней школе. Тетрадей и учебников не хватало, приходилось выполнять письменные задания на старых книгах и газетах.

Летом 1943 г. с фронта прибыл и разместился в монастыре отдельный разведывательный батальон. Ребята быстро подружились с солдатами.

Еминов Сергей – воспитанник детского дома:

– По вечерам их солдатская столовая превращалась в кинозал. И мы часто бегали туда смотреть кинофильмы «Чапаев», «Мы из Кронштадта», «Котовский», «Любовь Яровая», про юность и возвращение Максима.

На оборудованном на опушке леса учебном полигоне солдаты разместили советские и немецкие танки, самоходно-артиллерийские установки, пушки, бронетранспортеры и другую военную технику, которую брали с эшелонов, привозивших данную технику для переплавки на Выксунский металлургический завод. Детдомовские ребята, играя в войну, облазили и ощупали все боевые машины.

Девочки детдома в двух военных госпиталях помогали медицинскому персоналу ухаживать за ранеными. Многие из них после семилетки окончили Выксунское медицинское училище.

Еминов Сергей – воспитанник детского дома:

– В зале детдома был установлен репродуктор, и по вечерам мы с жадностью слушали сводки Совинформбюро. Я помню, как мы прыгали и кричали «ура!», прослушав сводки о разгроме немецких войск под Москвой, об освобождении 6 июля 1944 г. Ошмян и особенно 9 мая 1945 г. об окончательной Победе²⁵.

После Победы Виктор Радкевич и Сергей Еминов стали офицерами Советской Армии. В. Радкевич – полковник, живет в Джезказгане Карагандинской области, С. Еминов – майор, житель г. Гомеля.

²⁵ Еминов, С. «Мы нашли свое счастье» / С. Еминов // Во славу Родины. Белорусская военная газета. – 2009. – 10 окт.

В детском городе: ратомский санаторный пионерский лагерь

Летом 1941 г. в Ратомке, что под Минском, был организован пионерский лагерь, в котором отдыхали дети из города. По воспоминаниям вожатой Галины Зиновьевны Кругер, после окончания 9 класса вместе с еще несколькими такими же ребятами она была направлена на работу в пионерский лагерь. Помнит, как грузились в автобусы на Нижнем рынке (сейчас район станции метро «Немига»). На первую смену набрали 350 детей от 7 до 12 лет. Всего было сформировано восемь отрядов. В основном вожатыми были старшеклассники из разных школ Минска, только трое воспитателей уже учились в институтах.

Кругер Галина Зиновьевна – вожатая лагеря:

– Шла обычная летняя жизнь. Гуляли, играли, ходили в лес. Погода в том июне стояла переменчивая: то солнце выглянет, то дождик пойдет. Недалеко от лагеря часто проводились маневры, поэтому никакого внимания на военных никто не обращал, особой настороженности не было²⁶.

Подходила к концу первая лагерная смена. Все было хорошо, дети активно отдыхали: пекли картошку на костре, пели любимые песни, ходили в походы.

В воскресенье 22 июня многие ребята проснулись задолго до объявления подъема от какого-то непонятного гула и со страхом задирали головы к небу. А небо – в черных крестах самолетов.

Вожатые в Хвалынске. Слева направо: верхний ряд – Марк Родов, Рэм Срагович, Анна Мурашко, Натан Годар, нижний ряд – Борис Рубин, Галина Кругер, Василий Мишаткин (директор Хвалынского детдома), Нина Добрынина

²⁶ Апарина, Е. Пионерские вожатые из сорок первого / Е. Апарина // Знамя юности. – 2004. – 25 июня.

Никто ничего не знал, в лагере не было ни радио, ни телефона. Все шло своим чередом. Прошла торжественная линейка, дети ждали родных, готовили праздничный концерт. К обеду приехали несколько родителей и сообщили, что началась война. Естественно, они очень волновались, никто не знал, что делать: забирать детей или оставлять. Начальник лагеря отправил малышей спать и уехал в Минск, надеясь получить четкие указания по поводу дальнейшей судьбы пионерского лагеря. Но назад Айзик Гальперин уже не вернулся. Как выяснилось позже, в Минске его сразу же призвали в армию.

Тем временем дети, их семнадцатилетние вожатые и несколько взрослых руководителей сидели в лагере и не знали, что делать. 50 детей родители и родственники увезли домой. 23 июня в Ратомку прорвался кто-то из родителей и сообщил, что Минск ужасно бомбят. Посоветовавшись, решили, что самое лучшее для коллектива – остаться в лагере и ждать. Опасаясь, что и лагерь может подвергнуться бомбежке, воспитатели и пионервожатые, нянечки собрали детей и увели в лес. Спрятались. Но сколько можно сидеть в лесу?

Соколова (ахрамович) Галина – воспитанница Ратомского пионерского лагеря, в 1941 г. ей было 12 лет, находилась в детском доме № 1:

– Удивительно, но никакой истерики, будто это явление не наяву, а в кино. О войне догадывались, но чтоб вот так... Все, что случилось, – нежданно-негаданно – кто же мог понять, что это и есть начало изнурительной и долгой войны! Этот и следующий день были днями ужаса и смятения. И вблизи и вдали – пожары.

Робейчиков Марлен Яковлевич – воспитанник пионерлагеря «Ратомка», в 1941 г. ему было 11 лет:

– Не слушая воспитателей, мы все равно залезали на деревья и наблюдали за воздушными боями, как будто смотрели кино. Плакали не от страха, а от жалости, когда горели наши самолеты. На второй или третий день войны была общая линейка, и замдиректора объявил, что наш пионерский лагерь эвакуируется, мы уже знали, что горит от бомб Минск, что нас повезут куда-то... дальше от войны.

Я хочу рассказать, как мы собирались в дорогу. Велели нам взять чемоданы и сложить в них только самые необходимые вещи: майки, трусы, носки, носовые платки, пионерские галстуки. Лично я галстук положил сверху. В моем воображении рисовалось: встретят немцы, откроют чемодан, а там – на виду красный галстук. Не боюсь!

25 июня заместитель начальника лагеря, которого дети звали дядя Моня, принял решение эвакуировать пионерлагерь. Он договорился с начальником станции Ратомка, что тот оставит на двадцать минут какой-нибудь эшелон и посадит туда детей. Точного времени никто не знал, поэтому продукты (к счастью, их завезли до конца лета) принесли на станцию заранее и замаскировали ветками, оставив сторожа.

Марлен Яковлевич Робейчиков

Со страхом, то и дело глядя на небо, где в любую минуту могли показаться фашистские самолеты, дети, наспех прихватив часть постельного белья и продуктов питания, сколько были в силах унести, покинули пионерлагерь и по знакомой тропинке, пока еще окаймленной васильками и ромашками, двинулись в сторону железнодорожной станции. А там их никто не ждал. Однако коллективу пионерлагеря повезло: вагонам, хоть и товарным, были все рады. Разместились быстро, без суеты.

Отправления долго ждать не пришлось. Вагоны с каким-то странным скрипом тронулись. Эшелон шел медленно, с частыми, порой длительными остановками. От Ратомки до Минска всего-то километров двадцать, но поезд шел весь вечер и ночь... Измученные дети и их воспитатели наконец-то добрались до Минска и увидели в ночи город в огне пожаров... Кое-кто из детей при подъезде к Минску намеревался сигануть с поезда и добраться домой, но, увидев пламя пожаров, поостыл.

Лейбман И. – воспитанник лагеря, бывший минчанин, ныне житель г. Саратова:

– Обычно с вокзала новый Дом правительства был не виден, но закрывающие его здания уже были разбиты, и сквозь дым я вдруг различил наш Дом правительства, только красный флаг над его крышей стал черным от копоти... Наш начальник не велел нам выходить из вагонов и сам не пошел разыскивать свою семью, а под бомбами побежал добывать для нас паровоз, и уже через час мы ехали в глубь России. В Хвалынске он сдал нас тамошним педагогам и ушел на фронт²⁷.

Соколова (ахрамович) Галина:

– У вокзала почему-то простояли до утра. Едва наступил рассвет, ока зались под бомбежкой. Началась паника. Если бы не дядя Моня, наш начальник, сказать не берусь, чем бы могла закончиться паника. Дядя Моня сумел всех успокоить. Он заставил всех лечь на пол и резко оборвал свою жену, истерично кричавшую: «Тебя на всех не хватит, нужно и о себе

²⁷ Александрова, И. Укрыла от беды шинелью / И. Александрова // Дети военной поры. – 2-е изд., доп. – М., 1988. – С. 34–35.

думать!..» Когда все стихло, он размышлял вслух: «Конечно, при бомбежке из вагонов лучше бы выскакивать, но ведь в такой суматохе недолго и детей растерять...»

Метлич (Голяшова) Елизавета – воспитанница пионерлагеря «Ратомка», в 1941 г. ей было 11 лет:

– Из сиротских лет наиболее запомнилась эвакуация. Да и как забыть, если и поныне отметины на правом плече от давней огнестрельной раны. Не воевала, а ранение имею.

В вагоне товарного поезда я была вместе с минской детворой, оказавшейся накануне войны в Ратомке. От Ратомки до Минска ехали без происшествий, но, едва миновав родной город, эшелон оказался под бомбежкой. Поезд остановился, раздалась команда: «Разбежаться!» Повыскакивали из вагонов – и кто куда. А фашистский самолет продолжал кружить.

Помню, бегу куда-то сломя голову, и вдруг – резкая боль в правом плече. Рана!.. Кровь... – присела на корточки, зубами и левой рукой порвала на себе платье и зажала рану... Слез не было.

Помню, возвращаюсь к эшелону и вижу: один их вагонов отцеплен, горит. Жуть!.. И – раненые: у кого – оторвана нога, у кого... По сей день слышу крик мальчишки: «Спасите меня! Я – живой!..»

Откуда-то появились медики – тяжелораненых укладывали на носилки и куда-то относили. Легкораненым оказывали помощь. Помогли и мне, вытащили осколок, перебинтовали. Сделали укол. Уже в Хвалынске, в детском доме, и долечивала свою рану²⁸.

До остановки в тихом Хвалынске было еще десять суток, долгих-предолгих дней и ночей голода, холода, страха... Железнодорожный состав шел быстрее войны, на тех станциях, где он останавливался, про войну знали, но еще не видели ее. Дети рассказывали взрослым о войне, о том, как полыхал Минск, как горели наши самолеты. Но чем дальше отъезжали от дома, тем больше скучали по родителям, а что у многих уже нет родителей, еще не знали.

На станции Привольской ребят пересадили с поезда на пароход «Парижская коммуна» и повезли по Волге до Хвалынска.

Воспитанников из белорусского пионерского лагеря «Ратомка» разместили в зданиях бывшего детского дома № 1. Директором нового детского дома был назначен Василий Мишаткин, местный педагог, замечательный воспитатель и человек. Весь прибывший «минский» персонал закрепили за «своими» детьми, вожатым отрядов – бывшим школьникам дали возможность окончить среднюю школу.

Кругер Галина Зиновьевна:

– Не поверите, школу мы все закончили на отлично! Жили, работали, заботились о детях. Они очень нас любили. Помню, что топили печки шелухой от семечек. А перед сном в той комнате, где у учеников не было «троек», рассказывали сказки. Сколько мы их рассказали за те дни, не пересчитать!

Робейчиков Марлен Яковлевич:

– На пароходе я первый раз снял тапочки. За полмесяца в дороге мы ни разу не раздевались. Когда я тапочки снял – они воняли, и я их стал мыть. Мыл-мыл – и выбросил за борт. Приехал в Хвалынск босиком.

Нас было так много, что разместили по нескольким детским домам. Почему я это знаю? Потому что помню, как сильно плакали те, кому предстояло разлучаться с братом или сестричкой. Когда мы были в пионерском лагере без родителей, чувствовали себя вольно, а тут все испугались. Мы же домашние дети, привыкшие к ласке, и тем самым отличались от других детдомовцев. Меня мама всегда целовала на ночь, а по утрам будила. А теперь мне надо было привыкать жить без родителей.

²⁸ Разин, В. Б. От Минска до Хвалынска: Дети Белоруссии на земле саратовской: 1941–1945 гг. – С. 129–130.

Еда для нас, подростков, была скудной. Постоянно ощущали голод. Однажды посмотрели кинокартину, в которой наши разведчики варили кашу из березовой коры. Наши девочки тоже научились варить такую кашу.

А разве можно забыть и такое: мы бегали из детдома в воинскую часть, там нам иногда перепадал черпак супа. Нас было очень много, поэтому не могли накормить всех. Успеешь первым – получишь, опоздал – уйдешь ни с чем.

У меня был друг Мишка Черкасов. Как-то сидим, он и говорит: «За двадцать километров пошел бы, если бы знал, что там дадут миску каши». На дворе – минус тридцать, он оделся и побежал в воинскую часть. Просит у солдат что-нибудь поесть, они говорят: «Беги за котелком». Он вышел на улицу, покумекал и решил: «Пока буду бегать за посудой – ничего не достанется». Возвращается назад и говорит солдатам: «Лейте!», и подставляет шапку-ушанку. Солдат взял и вылил ему в шапку весь черпак.

Пока Мишка добежал до детдома, отморозил уши, но – суп донес, и немудрено – шапка была полна льда. Вывернули лед в тарелку (тарелки были металлические), разбили его на кусочки, и каждый из обступивших Мишку сосал льдинки супа, а девочки оттирали кормильцу уши. Сейчас и представить трудно, сколько было радости, что Мишка принес еду для всех нас.

...Осенью заготавливали дрова в лесу, находившемся на горе. Деревья валили, обтесывали, потом распиливали, кололи на поленья и складывали в штабеля... Дома мы никогда не делали подобного, потому что – городские, а здесь такие толстые бревна нужно было пилить и колоть. Доставалось!

...Не удивлюсь, если «магистры» именитого телевизионного Клуба знатоков не ответят на вопрос: «Что такое “макуха”»? А, между прочим, для нас, мальчишек военной поры, «макуха» была величайшим лакомством.

Представьте, тихонько пробираешься в кладовую и запускаешь руку в бачок, где вымачивался харч для лошади, а там, глубже, находишь великолепный жмых, он же – «колоб», он же – «макуха». И потом хоть целый день жуй и соси ее...

...У нас в классе учился сын директора маслозавода. Дети есть дети, сидим на уроке, в «морской бой» играем. А он за нашими спинами ест хлеб с подсолнечным маслом. Запах – на весь класс.

Кое-кому из нас стало не по себе, но – смотрим – нет учительницы, смотрим – она на полу лежит. Она тоже голодная, услышала этот запах и упала в обморок. Наши девочки отвели ее домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.